

ЭНДРЮ ГЕМЕРИ

17

**ГЛАВНЫХ
МИЛЛИАРДЕРОВ
XX ВЕКА**

Эндрю Гёмёри

**17 главных
миллиардеров XX века**

«Алгоритм»

2017

УДК 334:929
ББК 63.3(0)62-8

Гёмёри Э.

17 главных миллиардеров XX века / Э. Гёмёри —
«Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906995-07-0

Ротшильды, Рокфеллеры, Крупп, Мицуи, Форд, Дассо, Онассис... Семнадцать историй о тех, кто в середине прошлого века входил в топ-10 сверхбогачей мира и навечно утратил свои позиции в современном списке миллиардеров. Причина в том, что за прошедшие 50 лет путь к сверх богатству радикально изменился. Книга рассказывает о том, как зарабатывали миллиарды и становились тайными хозяевами мира в XX веке.

УДК 334:929
ББК 63.3(0)62-8

ISBN 978-5-906995-07-0

© Гёмёри Э., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Ротшильды – пять золотых стрел	5
Рокфеллер – всемирный плантатор	20
Крупп – пушки империи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эндрю Гёмёри

17 главных миллиардеров XX века

Ротшильды – пять золотых стрел

Красная вывеска. – Против Наполеона. – На вершинах могущества. – Суэцкий заем. – Крах «Кредитанимталът». – Авантюра с Гиммлером. – Возрождение клана

Банкирский дом Ротшильдов просуществовал полтора столетия, прежде чем открыл свой филиал в Швейцарии, в этом, так сказать, финансовом центре мира. Впрочем, в истории династии Ротшильдов этот факт не играет какой-то заметной роли: просто он символизирует, что в семидесятых годах XX века Ротшильды вновь вступили на путь расширения своего финансового влияния в мире. Но уже в начале пятидесятых годов стало очевидно, что окруженный легендами банкирский клан оправился от потрясений, причиненных Второй мировой войной, и снова занял свое место среди наиболее влиятельных банкирских домов мира.

Когда-то о потомках первых Ротшильдов ходила поговорка, что младенцы в этом роду появляются на свет сразу в 150-летнем возрасте и 150-кратными миллионерами. Цифры эти, возможно, не очень точны, но они символизируют одно – и это соответствует действительности, – что «финансовый стиль» Ротшильдов традиционен и аристократичен. Ведь известно, что цюрихский филиал фирмы, например, согласен принять в число своих клиентов только лиц, имеющих капитал не меньше, чем 1 млн швейц. франков.

По семейному «балансу» клана, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этот стиль выдержал все испытания экономических и политических катастроф и потрясений. И поныне в руках Ротшильдов находится крупнейший банк Франции. Английская ветвь клана Ротшильдов тоже владеет самым влиятельным частным банком Великобритании.

Собственностью французской ветви династии Ротшильдов был также и крупнейший железнодорожный комплекс Франции «Компани дю Нор», после национализации которого ротшильдовский банк в виде компенсации получил 270 тыс. французских государственных акций. К тому же в собственности клана и после национализации сохранились многие предприятия. В руках Ротшильдов остался и крупнейший горнодобывающий концерн «Ле Никель» и не менее богатая компания «Пеньярройя». Значительные финансовые интересы Ротшильды имеют в нефтяном тресте «Ройял датч – Шелл», в горнорудной монополии «Рио Тинто» и в тресте «Де Бирс», занимающемся добычей алмазов. В последние двадцать лет Ротшильды финансировали деятельность нескольких крупных экономических проектов. Их объединяет находящаяся под контролем династии «Компани финансьер». К числу крупнейших из них относятся и предприятия по добыче никеля в Сахаре, и нефтеперерабатывающий трест «Антар», который впоследствии был продан Ротшильдами французскому государству, и долевое участие в создании горнорудных предприятий по добыче золота, урана, железа, магнетита на территории ряда африканских стран, и капиталовложения в строительство и эксплуатацию центра туризма на всем юге Франции – от Шамони до Средиземноморского побережья.

Не в последнюю очередь все это означает и активное влияние Ротшильдов на политику страны. Так, Рене Мейер в 1938 году, будучи генеральным директором у Ротшильда, вел переговоры с французским правительством относительно национализации принадлежавших Ротшильду железных дорог, а после Второй мировой войны сам несколько раз возглавлял сначала правительство Франции, а позднее Европейское объединение угля и стали, впоследствии переросшее в западноевропейский «Общий рынок».

Принадлежал к числу советников де Голля и Помпиду, перешедший в свое время в окружение генерала с поста генерального директора фирмы Ротшильда. Позднее он тоже встал во главе сначала французского правительства, а затем – французского государства.

Клан Ротшильдов ведет свою родословную из Франкфурта-на-Майне в Германии. Предки основателя династии Ротшильдов Майера Ротшильда жили на протяжении многих поколений в убогом доме на перегороженной с обеих сторон Юденгассе (еврейской улице), где возле запиравших вход и выход тяжелых цепей стояла стража. На углу дома болталась на цепочке красная табличка (по-немецки – «ротшильд»), от названия которой семья, обитавшая в этом доме, и получила свое прозвище-фамилию. Молодой Майер Ротшильд обучался ремеслу в городе Ганновере (Северная Германия), поскольку в этом городе власти были более снисходительны, чем во Франкфурте, к обитателям еврейского гетто. А когда после нескольких лет, проведенных в качестве ученика в банкирском доме Оппенгеймеров, Майер Ротшильд в 1764 году возвратился домой, во Франкфурт, здесь ему сразу же напомнили, что, согласно закону Франкфурта, каждый мальчишка на улице может крикнуть ему: «Жид, знай свое место!». И он должен был, втянув голову в плечи, пробираться по улице, робко прижимаясь к стене и сняв с головы островерхий колпак. За время, пока он учился в Ганновере, семья его во Франкфурте окончательно обеднела и жила уже не на «богатом конце» Юденгассе и не в доме под красной вывеской, а в ветхой сырой лачуге, где, по тогдашним обыкновениям, с карниза свисала сковорода на цепочке, и дом этот так и назывался – «дом под сковородой».

В этом-то доме, темном и жалком, и открыл свою маленькую фирму Майер Ротшильд. Сначала он держал торговлю старинными монетами, сам составлял каталоги и развозил эти монеты по заказу из одного германского княжества в другое. Так у него возникли связи с аристократами, которые тогда повально увлекались коллекционированием старинных денег, в том числе и с герцогом Вильгельмом, владельцем герцогства Ханау. Герцог купил у него сразу несколько монет. Это был первый «гешефт» Ротшильда с главой иностранного государства.

Вскоре в «доме под сковородой» Майер Ротшильд оборудовал уже некое подобие лавки денежного менялы, где проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Так возник первый банк фирмы Ротшильдов – в комнатухе в 4 кв. м. Доходы от обмена иностранной валюты Майер Ротшильд использовал на расширение своей торговли старинными монетами. Он скупил несколько лавок, которые принадлежали попавшим в трудное положение менялам, вместе с запасом монет. С полученным таким путем «торговым запасом» он снова объехал все маленькие германские княжества и герцогства. Однажды во время вояжа в Веймар ему посчастливилось заключить сделку с покровителем самого Гёте – с герцогом Карлом-Августом.

Расширение деловых связей Ротшильда в конце концов привело к тому, что на стену «дома под сковородой» в 1769 году прибили новую вывеску. На ней уже красовался герб герцогского дома Гессен-Ханау и надпись золотыми буквами внизу: «Майер Ротшильд, управляющий делами герцога Вильгельма, его высочества князя Ханау».

Управление делами герцога было делом доходным, да и сам Вильгельм тоже был довольно колоритной фигурой. Он доводился внуком английскому королю Георгу II, двоюродным братом Георгу III, шурином королю Швеции, а также был племянником короля Дании. Но не это было самым главным. Куда важнее было другое обстоятельство: он первым из немецких князей сочетал свою принадлежность к аристократии с предоставлением кредитов под ростовщические проценты, с грубым и наглым стяжательством.

Вскоре должниками Вильгельма оказались больше половины государей Европы. Кроме того, он научился превращать в золото даже кровь самих гессенцев. Его не знавшие милосердия и пощады унтер-офицеры умели вымуштровать дисциплинированных и гото-

вых на все наемников. И как только новая рота ландскнехтов заканчивала подготовку, герцог тотчас же продавал ее за большие деньги англичанам – для поддержания порядка в заморских колониях разрастающейся в то время Британской империи. Всякий раз, когда в дальней английской колонии убивали какого-то гессенского наемника, герцог Вильгельм получал за него большую денежную компенсацию. И очень скоро властелин крошечного герцогства сделался богатейшим феодалом в Европе, своего рода банкиром-ростовщиком, кредитором многих европейских князей и королей. Постепенно в этот бизнес включился и Майер Ротшильд. Наряду с другими менялами и банкирами он время от времени получал от герцога Вильгельма поручения – взыскать тот или иной иностранный долг (разумеется, за соответствующее вознаграждение).

И вот пробил час, когда разбогатевшее семейство Ротшильдов смогло переселиться в новый дом – уже «под зеленой вывеской» – и стало вместо Ротшильдов называться Грюншильдами («грюн» по-немецки – зеленый). Некоторое время Ротшильды даже всерьез подумывали, не взять ли это их новое уличное прозвище в качестве фамилии, но потом все же решили остаться при старой фамилии. С ней они и вошли в историю.

Но этот постепенный прирост их богатства еще ничего не значил. На протяжении почти двадцати лет Майер Ротшильд платил подоходный налог всего лишь в 2 тыс. флоринов в год. Только в 1795 году придирчивые городские финансовые инспекторы увеличили размер налогов с Ротшильда до 15 тыс. А это, по понятиям франкфуртского гетто, означало самый высокий уровень богатства. В гетто, но не в финансовом мире германских княжеств.

Настоящий «финансовый взрыв» подготовил уже не сам Майер Ротшильд, а его пятеро сыновей, ставшие финансовыми воротилами Германии, Англии, Австрии, Италии и Франции.

Один биограф династии, немецкий граф Цезар Корти в книге «Возвышение дома Ротшильдов» писал: «Каждый раз крушение какого-то государства приносило Ротшильдам новые богатства». Как мы увидим дальше, дело, конечно, обстояло гораздо сложнее. Однако факт остается фактом: первый «международный гешефт» удался пятерым Ротшильдам в 1804 году именно благодаря тому, что как раз совершенно разорилось Датское королевство. Король Дании приходился дядей к тому времени уже сказочно богатому герцогу Вильгельму. И Вильгельм решил дать своему дяде денег взаймы. Но устроить все это он хотел так, чтобы его имя не фигурировало в сделке, в которой с должника взимаются огромные ростовщические проценты: ведь даже сказочно богатому герцогу-племяннику не пристало обирать до нитки своего угодившего на край финансового краха родного дядюшку-короля. И герцог перепоручил это дело пятерым братьям Ротшильдам. Для них это было своего рода международным дебютом, но в то же время и большим успехом дома. Это был первый случай, когда семейство Ротшильдов «на целый корпус» обошло банкиров Франкфурта, происходивших из старинных патрицианских родов, и те пришли в ярость от одного известия, что «миллионеры из гетто» ссужают под большие проценты самого датского короля.

После трюка с Данией дом Ротшильдов, казалось, был уже на верном пути к званию «придворного банкира герцога Вильгельма», считавшегося одним из богатейших европейских государей. И вдруг появление на европейской арене Наполеона сокрушает этот столь благоприятно начавшийся «бизнес»! В 1806 году французская армия, захватив пол-Европы, заняла и Гессен. Герцог Вильгельм тоже был обращен в бегство. А ведь он был самым главным из покровителей Ротшильдов. К тому же один из пяти братьев Ротшильдов Натан застрял в Лондоне и таким образом был совсем отрезан от континента.

Однако министерство финансов Наполеона все равно не смогло одолеть семейство Ротшильдов. Должники лишившегося своего трона герцога Вильгельма формально были обязаны уплатить долги, собранные со всей Европы, французской казне. Однако четыре молодых Ротшильда вихрем промчались по немецким княжествам и герцогствам в экипажах с

«двойным дном» и ухитрились под носом французских властей собрать золото с должников для герцога Вильгельма. Французская полиция, правда, вскоре появилась во франкфуртском гетто и перерыла весь дом «под зеленой вывеской». Но там полицейские нашли только старого, сгорбленного, с трясущимися руками «банкира», который занимался учетом векселей мелких кредиторов. Векселя же, выданные должниками герцогу Вильгельму, были спрятаны под двойным полом экипажей сыновей этого «банкира».

Понятно, что герцог Вильгельм не требовал, чтобы собранное для него с должников золото Ротшильды немедленно передавали ему. И сыновья старого Ротшильда стали подыскивать, куда бы выгоднее вложить эти лежащие пока без дела деньги. Таким выгодным «местом приложения капитала» оказалась континентальная блокада Англии, отчаянно боровшейся против Наполеона. В годы блокады Европа только контрабандой могла получать с Востока колониальные товары, пряности и всевозможное промышленное сырье. И с точки зрения организации такой регулярной контрабандной торговли то обстоятельство, что пятый сын Ротшильдов, Натан, застрял в Лондоне, являлось даже очень полезным для общего дела. Именно Натан и создал надежную сеть контрабандистов, которые проходили через любые кордоны наполеоновской блокады Англии и провозили на континент хлопок, шелк, табак, сахар, кофе и краситель для тканей – индиго. Настоящий поток этих товаров, необходимых для фабрик и потребителей Европы, хлынул на континент – разумеется, по фантастическим блокадным ценам. Таким образом, наполеоновская блокада пошла на пользу семейству Ротшильдов, вызвав рождение контрабандной торговли, организованной для ее прорыва.

Добытых за годы войны денег и установленных деловых связей теперь было достаточно, чтобы после крушения Наполеона Ротшильды занялись уже своей основной и отныне официально признанной деятельностью. Этот новый поворот в деятельности клана Ротшильдов организовал опять-таки Натан, теперь намеренно осевший в Лондоне. Он же дал и характеристику новому курсу: «Ротшильды оставили контрабанду и продают единственно стоящий товар – деньги».

Поскольку основным капиталом для организации контрабандной торговли являлись средства, тайком собранные ими для герцога Вильгельма с его должников, теперь встал новый вопрос, во что еще вложить скопившиеся у банкиров в условиях блокады огромные деньги. Натан Ротшильд и его четыре брата, оставшиеся на континенте, наладили между собой тайную переписку, с помощью которой братья решили, что будут играть на поражение Наполеона. Надо отдать должное их прозорливости: ведь это решение было принято ими еще в дни военных триумфов французского императора, когда ничто не предвещало его предстоящего падения.

Практическое значение этого решения состояло в том, что Ротшильды убедили герцога Вильгельма все свое состояние (около 20 млн долл. по нынешнему курсу, что в те времена считалось почти невысказанно большим богатством) вложить в облигации английского государственного займа. Выполнять это решение поручили Натану Ротшильду, которому братья с помощью своих контрабандных связей смогли переправить эту гигантскую сумму в Англию. Натан же предпринял еще один «виток» в этой гонке за прибылью. Первоначально они поручили ему на все деньги герцога Вильгельма приобрести облигации английского государственного займа по курсу 72 фунта за облигацию. Английский же Ротшильд, дождавшись, когда в результате временных успехов Наполеона облигации английского государственного займа упадут в цене, скупил их значительно дешевле. Разницу он, разумеется, положил себе в карман.

К тому времени лондонский банк Ротшильдов сделался уже такой могущественной «финансовой державой», что операции с деньгами герцога Вильгельма его уже не устраивали. И Натан Ротшильд принялся присматривать себе «рыбу» покрупнее. А эта «крупная рыба» плавала у берегов Индии и называлась Ост-Индской компанией. Задача же Рот-

шильдод состояла только в том, чтобы перебросить золотой запас этой компании герцогу Веллингтону, армия которого в это время сражалась на Пиренейском полуострове. Дело это было не из легких. Сначала Натан Ротшильд на сумму в 800 тыс. фунтов (тогдашних фунтов!) купил золото у Ост-Индской компании, потому что знал, что английскому правительству золото позарез нужно для герцога Веллингтона. И он продал это золото правительству Англии с огромной прибылью. Однако англичане не знали, как же теперь перебросить это золото Веллингтону. Единственно возможный путь, конечно же, лежал через территорию Франции. Безрассудство? Но Ротшильды взялись за выполнение и этого поручения английского правительства, и в один миг Натан Ротшильд сделался банкиром английской армии.

Братья Ротшильды, находившиеся на континенте, решили эту задачу остроумно, тонко и с большой хитростью, которая и в дальнейшем тоже была характерна для них. Самый младший из Ротшильдов, Якоб, который впоследствии велел называть себя Джеймсом, неожиданно появился в Париже. Ему еще не было и двадцати, и он ни слова не знал по-французски. Однако он с блеском выполнил стратегический план своих братьев, хитроумно обманув французские власти. Надо сказать, способ, к которому он прибег, был удивительно простым. Остальные четыре Ротшильда написали Джеймсу письма на его парижский адрес, в дом номер пять по улице Наполеон. В этих письмах Ротшильды притворно жаловались своему парижскому братцу, что они собирались вывезти золото из Англии в Испанию, но английское правительство наотрез отказало им, потому что боится такой утечкой золота ослабить государство. Ротшильды позаботились, чтобы их послания к брату в Париж попали в руки французской тайной полиции. И министерство финансов Франции заглогло «наживку». Если англичане против того, чтобы золото уплывало из Англии, решили во французском министерстве, надо помочь этим бравым Ротшильдам, чтобы они все же смогли вывезти это свое жалкое золотишко...

Трюк с притворными письмами удался: правительство Наполеона действительно помогло Ротшильдам, чтобы английское золото в конце концов попало сначала в Испанию, а затем в руки Веллингтона. Золото беспрепятственно перевезли через Ла-Манш, оттуда Джеймс Ротшильд привез его в Париж, а Карл Ротшильд, впоследствии миллионер в Неаполе, с помощью французских банкиров переправил его уже дальше, через Пиренеи.

Конечно, дело было не лишено риска. В какой-то момент начальник полиции города Кале во Франции даже заподозрил недоброе. Но его «подмазали». Потом стал требовать от своего правительства ордера на арест некоего Джеймса Ротшильда уже начальник полиции Парижа. Однако министерство финансов продолжало слепо верить притворным письмам к парижскому Ротшильду, и золото беспрепятственно продолжало поступать в армию Веллингтона.

К концу наполеоновских войн Ротшильды практически держали в своих руках финансовые связи не только английского правительства с Веллингтоном, но и между Англией и ее союзниками – Австрией, Пруссией и царской Россией.

Заключительный аккорд наполеоновской эпохи – битва под Ватерлоо – даровал Ротшильдам еще больший шанс. Битва под Ватерлоо, как известно, сделала Англию первой державой Европы, а Ротшильдов – первыми банкирами континента. Жирный «куш Ватерлоо» Ротшильдам удалось захватить потому, что во время наполеоновских войн пять братьев-банкиров для осуществления своих рискованных финансовых операций организовали не имевшую ранее примера в истории информационную и курьерскую службу. (Эта служба продолжала существовать в своей первоначальной форме для лондонской ветви Ротшильдов и после победы над Наполеоном, вплоть до Второй мировой войны!)

Информация вообще стоит денег, а что могло быть дороже информации об исходе битвы под Ватерлоо? Связь, надеюсь, здесь ясна, и лондонская биржа следила за ее исходом со страхом. Если при Ватерлоо победит Наполеон, цены облигаций английского госу-

дарственного займа начнут падать. Если же он проиграет сражение, империя его мгновенно рухнет, и бумаги подскочат в цене до небес.

19 июня 1815 года поздно вечером курьер Ротшильдов сел в порту Остенде на быстросходный корабль курьерской службы Ротшильдов, который, согласно законам банкирского дома, не имел права перевозить никого из «посторонних». Натан Ротшильд ночь на 19 июня провел на английском побережье Ла-Манша в одном из портов, в Фолкстоне, и на рассвете 20 июня уже знал от своего курьера, что Наполеон битву под Ватерлоо проиграл. Курьер Ротшильдов на восемь часов опередил всех остальных, даже курьера самого герцога Веллингтона.

А Натан Ротшильд первым делом сообщил о поражении Наполеона английскому правительству, после чего отправился на фондовую биржу. Всякий средней руки банкир, имея в руках такую информацию, принялся бы на все свои деньги скупать долговые бумаги английского государственного займа. Всякий, но не Натан Ротшильд! Он, наоборот, продал облигации английского государственного займа. В огромном количестве. Ни слова не говоря. Просто стоял на своем привычном месте на бирже у колонны, которая с тех пор так и называется – «колонна Ротшильда», и продавал, продавал... По бирже пронесся слух: «Ротшильд продает!» Значит, он что-то знает! Значит, битва при Ватерлоо проиграна?! А лондонский Ротшильд продолжал выбрасывать на фондовый рынок все новые пакеты английских государственных бумаг. И лишь затем, выждав подходящий момент, когда государственные бумаги упали до самого низкого уровня, но биржа еще не проснулась, он одним махом все, что только что продал, скупил назад. Но уже за мизерную часть их номинальной стоимости. А несколько часов спустя до биржи дошло официальное сообщение о поражении Наполеона. И цена на облигации государственного займа Англии снова взвилась вверх. На недостижимую высоту. Банкирский дом Ротшильдов загреб буквально бесчисленную прибыль.

Фредерик Мортон, один из летописцев династии, 140 лет спустя так комментировал эти события: «Не поддается учету, сколько замков, скаковых конюшен, картин Ватто, Рембрандта заработал он для своих потомков в этот день».

После падения Наполеона банкирский дом Ротшильдов осуществил выплату Лондону, Вене и Берлину французских репараций в сумме 120 млн ф. ст., разумеется, за жирные проценты. Через их же руки потекли финансовые средства, которые английское правительство предоставило Вене в качестве материальной компенсации за потери в войне против Наполеона. Поэтому в 1817 году венский императорский двор милостиво дал понять Ротшильдам, что они заслуживают награды. Надворный советник фон Ледерер, ведавший вручением императорских наград и поощрений, внес предложение пожаловать Ротшильдам табакерку из золота с бриллиантовой монограммой императора на крышке. В ответ Ротшильды деликатно информировали двор, что бриллиантов у них своих предостаточно, лучше уж пусть им пожалуют дворянство. Правительство охнуло, но фон Ледерер посоветовал императору: «Учитывая, что братья Ротшильды – иудеи, определим их на самую низшую ступень дворянства». Так Ротшильды получили из Вены право писать свою фамилию с приставкой «фон».

Предложили братьям представить двору и проект своего фамильного герба. Братья были люди смелые и направили в императорскую канцелярию такой проект дворянского герба, которому могли позавидовать и наследные принцы. На этом гербе было все на свете – от орла до леопарда, от льва до пучка из пяти золотых стрел, зажатых в руке, которые символизировали единокровные пятерых братьев. Кроме того, они запроектировали вокруг герба нарисовать воинов с коронами на головах и в доспехах. Перепуганная «геральдическая канцелярия» написала министру финансов, что предлагаемый Ротшильдами проект герба нельзя утвердить, потому что, согласно законам геральдики, на гербе простых дворян не положено изображать ни короны, ни льва, ни орла. Затем чиновники канцелярии взялись

за перья и исчеркали новый герб, изготовленный по заказу Ротшильдов за такие большие деньги.

Немногим позднее, 23 сентября 1822 года, банкирский дом Ротшильдов предоставил Меттерниху личный заем в 900 тыс. золотых флоринов сроком на семь лет под очень льготные проценты. И сразу, через какие-то пять дней, императорским указом все пять братьев Ротшильдов были возведены в ранг баронов, а бюрократы из «геральдической канцелярии», скрежеща зубами, позволили изобразить на гербе все, что Ротшильды ранее изобразили на своем проекте герба: и орла, и льва, и боевой шлем.

Так что и по сей день герб, полученный милостью Меттерниха, красуется на бумаге для личной переписки членов банкирского дома Ротшильдов.

В Лондоне же в первые десятилетия после падения Наполеона и на многие поколения вперед интересы английского государства тесно переплелись с интересами Ротшильдов. (Банк Англии и ныне часть своих операций с золотом осуществляет через банкирский дом Ротшильдов. В лондонском офисе госбанка на третьем этаже сидят представители пяти крупнейших банкирских домов, в том числе и представитель банка Ротшильдов. Они-то и определяют на каждый день курс золота на английской бирже.)

Один из братьев Ротшильдов – Джеймс, обосновавшийся во Франции, главный герой трюка с контрабандой золота для Веллингтона, теперь занимал пост генерального консула Австрийской империи в Париже. В 1828 году он купил изумительный по красоте и богатству дворец министра полиции Наполеона Фуше на улице Лаффит. (Когда у него спросили, почему он выбрал именно этот дворец, Джеймс Ротшильд отвечал: «Потому что этот самый Фуше вынюхивал мои следы в деле Веллингтона и чуть даже не арестовал».) И по сей день этот дворец – верховная ставка Ротшильдов во Франции.

Поэт Гейне несколько раз бывал гостем в доме на улице Лаффит, но его свободолюбивый нрав не очень-то сносил всеобщее коленопреклонение перед золотым тельцом, и Гейне писал: «Наблюдал, как кланяются и унижаются перед ним люди. Изгибают свои позвоночники, как не смог бы ни один самый выдающийся акробат. Моисей, очутившись на святой земле, снял обувь. И я уверен, что эти деловые агенты тоже побежали бы во дворец босыми, если бы не побоялись, что запах их ног будет неуютен барону... Сегодня я видел, как один разодетый в золотую ливрею лакей шел с баронским ночным горшком по коридору. Какой-то биржевой спекулянт в это время стоял в коридоре. Перед столь важным сосудом сим он даже снял шляпу. Я запомнил имя этого человека, потому что со временем он непременно станет миллионером...».

Гейне не склонился перед золотым тельцом. Однажды Джеймс Ротшильд устраивал званый ужин для нескольких своих приятелей, тоже банкиров. После ужина он пригласил на кофе и коньяк и Гейне – наверняка для того, чтобы тот блеском своего остроумия развлекал банкиров. Но поэт вернул приглашение с такой припиской: «Милый господин барон, я имею обыкновение пить кофе после ужина там, где я поужинал...».

Ну, а Вена была, разумеется, особым случаем, учитывая, что здесь Ротшильды сталкивались с более строгими антиеврейскими законами и распоряжениями, чем в Англии или Франции. Евреям в Австрии не разрешалось иметь земельных владений, занимать государственные должности или выполнять политические поручения.

Засилье австрийской полиции было настолько сильным, что Ротшильды во избежание возможных неприятностей даже не пытались направить своего представителя на знаменитый Венский конгресс, созванный союзниками для обсуждения вопросов, связанных с победой над Наполеоном. В Лондоне и в Париже они уже были «королями», а в Вене еще не смели даже приблизиться к простому министру.

И все же и венские Ротшильды тоже пробились через сети бюрократических рогаток австрийской монархии, нашли путь к всемогущему Меттерниху и к украшенному короной и орлами баронскому гербу.

По поручению братьев Ротшильдов Соломон Ротшильд приехал в 1819 году в Вену. Ввиду «ограничительного закона» он не мог владеть здесь собственным домом и потому для начала снял комнату в гостинице «Римский император». Первым делом он организовал для австрийского правительства государственный заем в 50 млн флоринов. Заем этот с Ротшильдом в качестве гаранта имел колоссальный успех, сам его инициатор заработал на нем 6 млн. Несколько миллионов заработал и венский двор. После этого государственного займа Соломон Ротшильд стал арендовать в «Римском императоре» уже целый этаж, затем – через несколько месяцев – еще один и так далее, пока наконец к нему не перешла в аренду вся гостиница. Хотя юридически быть домовладельцем он по-прежнему не имел права.

За успехом государственного займа последовало ловкое управление субсидиями, которые давали Вене английские банкиры. И наконец Ротшильд «провертывает» еще одно довольно деликатное «фамильное дело». Героиней этой истории явилась Мария-Луиза, дочь австрийского императора, отвергнутая жена Наполеона I. Венский конгресс признал Марию-Луизу «жертвой Наполеона» и подарил покинутой мужем австрийской принцессе Пармское герцогство, а Меттерних – аристократического возлюбленного в лице придворного фон Нейпперга. Вскоре принцесса сочеталась тайным браком с Нейппергом, настолько тайным, что детей от этого брака долгое время даже не регистрировали. Тем не менее дети были все же внуками австрийского императора, и потому Меттерних поручил Соломону Ротшильду потихоньку продать часть Пармского герцогства, а затем во что-нибудь выгоднее вложить деньги, чтобы у внебрачных внуков понемногу образовалось хорошенькое наследство.

Ротшильд выполнил и это поручение, и с этого дня он уже совместно с Меттернихом, на правах его союзника, управлял Австрией. Ну, а отсюда оставался всего лишь один шаг до вышеупомянутого золотого займа в 900 тыс. флоринов и до украшенного короной, орлом и львом баронского герба.

В 1835 году умер император Франц, и Меттерних, боясь, как бы паника на бирже не потрясла самые основы австрийской экономики и его личные позиции, снова обратился за помощью к Соломону Ротшильду. И тот вместе со своим парижским братцем Джеймсом Ротшильдом сделал во всеулышание официальное предложение: если кто-то хотел бы продать облигации австрийского государственного займа, банкирские дома венских и парижских Ротшильдов готовы за любую, самую высокую цену их приобрести. Европейские биржи успокоились. Ротшильд еще раз оказал помощь переживавшему временные трудности Меттерниху. (Вот несколько строк из письма австрийского посла в Париже Меттерниху: «Должен признаться вам, господин канцлер, что в результате потрясающе сильного влияния банкирского дома Ротшильда была задушена в зародыше финансовая паника, которая уже начала было овладевать некоторыми нервными вкладчиками».) Вместе, плечом к плечу, Меттерних и Ротшильд стояли и в революционной буре 1848 года. (Меттерних писал тогда Соломону Ротшильду: «Если меня заберет черт, он утащит с собой и вас».)

13 марта вечером черт явился «забирать» Меттерниха: революционная толпа публично жгла его портреты на венских улицах. Двадцатью часами позже Меттерних спасся бегством во Франкфурт. Здесь он положил в карман тысячу золотых флоринов, которые ему презентовал австрийский Ротшильд с помощью чека, выписанного на банкирский дом Ротшильдов во Франкфурте. А через несколько месяцев и в апартаменты Ротшильда в гостинице «Римский император» тоже вломилась разъяренная толпа, и Ротшильд также – по крайней мере на время – сбежал во Франкфурт.

Он был «абсолютным банкиром абсолютного канцлера», символом гнета династии Габсбургов. Ну а такие связи исключительно прочны. Ныне живущий потомок легендарного канцлера Меттерниха князь Меттерних каждый год посылает в Париж барону Эли Ротшильду ящик рейнского вина, а тот, в свою очередь, отвечает ему ящиком «Шато Лафит» из погребов известных всему миру виноградников. И путешествует не только вино. Западные журналы в рубрике «Общественная хроника» каждый год отмечают, что члены семей Ротшильда и Меттерниха посещают друг друга в их семейных замках.

В Риме в 1832 году появился даже едкий памфлет, который распространяли на улицах города. Текст его гласил: «Ротшильд только что поцеловал руку папы, а прощаясь, самым утонченным образом выразил удовлетворение деяниями наместника Святого Петра на земле. Не башмак Святейшего отца получил Ротшильд для поцелуя, а целый мизинец на руке, чтобы толстосуму не нужно было слишком низко склоняться в поклоне».

Злому памфлету предшествовало такое событие: четвертый (итальянский) из братьев Ротшильдов, Карл, в то время был еще владельцем крупнейшего банковского дома в Неаполе. Через своих братьев Карл убедил Меттерниха, что австрийцы должны вывести свои войска из Неаполитанского королевства. Карл Ротшильд дал деньги тосканскому герцогу, чтобы осушить гигантские болота. Он же предоставил папе римскому заем для модернизации сельского хозяйства в его владениях. А папа Георгий XVI, приняв заем, не только дал возможность Ротшильду избежать слишком глубокого поклона, но и пожаловал итальянскому Ротшильду Большой крест ордена Святого Георгия.

В Германии между тем главой династии считали пятого из братьев – Амшеля Ротшильда. Он был глашатаем всего клана и обращался к правителям европейских стран за орденами и должностями консулов. Франкфуртский дом согласовывал всю международную стратегию династии. Не было ни одного капиталовложения на землях между Рейном и Дунаем, к которому не приложил бы руку Амшель. Сотни немецких заводов, железных дорог и шоссе в проектах родились сначала в комнатах франкфуртского дома Ротшильдов. А в саду этого дома уже давно был частым избранным гостем молодой пруссак, которому впоследствии суждено было стать канцлером Германской империи, – Отто фон Бисмарк. В 1851 году, когда Пруссия послала Бисмарка своим представителем на всегерманскую конференцию, Амшель стал казначеем «федерации германских государств», и это (как пишет один из его биографов Маркус Эли Раваж в книге «Пять человек из Франкфурта») означало, в известном смысле, что он стал министром финансов позднее родившейся из «федерации» Германской империи.

Из Франкфурта направлялась и династическая «политика браков» клана Ротшильдов. Согласно «конституции клана», сыновья из дома Ротшильдов должны были жениться на девицах из отдаленных ветвей Ротшильдов же, а девушки из дома Ротшильдов должны были по возможности выходить замуж за аристократов. В Лондоне дочь Натана Ротшильда стала женой лорда Саутгемптона. Одна его племянница, тоже из дома французских Ротшильдов, – супругой графа Розбери. Позднее ее муж стал премьер-министром Британской империи. Девушка из дома неаполитанских Ротшильдов вышла замуж за герцога де Грамона, а ее сестра – за герцога Ваграмского.

Третий брачный закон дома Ротшильдов предписывал: все свадьбы должны были игратья во франкфуртском доме. И аристократы, бравшие в жены девиц из дома Ротшильдов, вынуждены были подчиняться этим неудобным правилам. Роскошные кареты, как правило, не умещались на узких улочках еврейского гетто, и гости пешком плелись по булыжным улицам, а шлейфы дам мели пыльную мостовую. Этот закон оставался в силе вплоть до того самого времени, когда Амшель Ротшильд умер в возрасте 80 лет.

В том, что история дома Ротшильдов так переплелась с историей Европы в ее важнейших поворотах, огромную роль играло умение Ротшильдов быстро собирать информацию.

А если надо – и распространять дезинформацию. Лучше всего это демонстрирует пример с курьером, сообщившим об исходе битвы при Ватерлоо.

В феврале 1820 года Ротшильды первыми узнали, что перед зданием парижской оперы был убит единственный наследник французского короля Людовика XVIII. С ним вместе умерли надежды Бурбонов возвратиться на трон. Гонцы Джеймса Ротшильда первыми причалили в Лондон, Вену, Франкфурт и Неаполь, и Ротшильды смогли с пользой для себя разыграть на биржах крах престолонаследия Бурбонов еще до того, как правительство или конкуренты Ротшильдов получили сведения о происшедшем.

Десять лет спустя парижские Ротшильды с помощью специально выращенных почтовых голубей быстрее всех сообщили своим братьям – владельцам банковских домов в разных странах известие о начале Июльской революции во Франции. В Англии лондонский банкирский дом Ротшильдов узнал раньше английского правительства о том, что на французский трон вступил Луи-Филипп. Крупнейшая фигура в европейской дипломатии Талейран так писал об этом в письме, которое он отправил сестре Луи-Филиппа: «Ротшильды всегда на 10–12 часов раньше королевских послов информируют английское правительство о событиях. Это происходит потому, что курьеры Ротшильдов пользуются специальными морскими судами, которые не имеют права перевозить никого, кроме этих курьеров, и отправляются в путешествие через Ла-Манш независимо от погоды».

В книге «Ротшильды: семейный портрет» историк Ф. Мортон пишет, что курьерская связь Ротшильдов была надежнее, чем у любой великой державы. Поэтому часто случалось, что послы Англии, Франции, Испании, аккредитованные в различных европейских государствах, доверяли им и свою посольскую почту. Тайная полиция Австрии докладывала канцлеру Меттерниху (а тот отмечал для себя), что курьеры из Неаполя в Париж следуют через город Пьяченца. «Здесь находится австрийский гарнизон, и потому, – гласило полицейское донесение, – может быть, нужно попытаться уговорить курьеров, чтобы они предъявляли нам перевозимые ими письма для просмотра».

Дружба Меттерниха с Ротшильдами, разумеется, не помешала канцлеру Австрии отдать приказ об обыске курьеров, а Ротшильдам, со своей стороны, – обманывать канцлера. Меттерних дал указание австрийским гарнизонам в Италии: считать курьеров Ротшильда «официальными австрийскими курьерами», только если они везут письма, запечатанные императорской печатью. В других случаях все письма распечатывать и подвергать цензуре. Ротшильды на этот приказ канцлера ответили созданием второй, параллельной курьерской сети. У курьеров этой сети не было иной задачи, как позволить себя задержать и дать проверить находившуюся при них почту. На их глазах письма вскрывались, но в них, разумеется, содержалась дезинформация. Австрийская же полиция прилежно пересылала эту дезинформацию Меттерниху.

Стоит ли удивляться после всего этого, что в 1870 году Наполеон III с помощью французских и английских Ротшильдов пытался выяснить: согласно ли английское правительство оказать Франции помощь в случае нападения на нее Пруссии? Лондонский Ротшильд вместе с английским премьер-министром Гладстоном появился на аудиенции у английской королевы Виктории в Виндзорском замке. После этой аудиенции английское правительство приняло решение не оказывать Франции помощь. Так французские Ротшильды раньше, чем сам Наполеон III, узнали, что в 1870 году начнется франко-прусская война. И, разумеется, в соответствии с этим направляли свою финансовую политику.

После крушения Франции император Вильгельм I, Мольтке и Бисмарк разместили свою ставку верховного командования в одном из замков Ротшильда во Франции, в Ферри. Император обошел вокруг весь замок, сад, конюшни, оранжереи и в заключение сказал: «Король такого богатства не сможет оплатить. На это способен только Ротшильд».

Ротшильды стояли и у колыбели Британской империи. К 1860 году Ротшильды возвели в Лондоне свой городской дворец по соседству с дворцом герцога Веллингтона, на улице Пикадилли, 148. 14 ноября 1875 года здесь ужинал Дизраэли, премьер-министр Англии. Во время ужина слуга на серебряном подносе подал сэру Лайонелу Ротшильду, тогдашнему главе лондонского банкирского дома Ротшильдов, послание, отправленное одним из тайных агентов парижских Ротшильдов. Лайонел прочитал его гостю. Суть послания состояла в том, что запутавшийся в долгах хедив, правитель Египта, предложил французам составлявшие собственность Египта акции Суэцкого канала. Но хедив недоволен ценой, которую готово заплатить за эти акции правительство в Париже. Суэцкий канал являлся, разумеется, и в то время одним из важнейших стратегических, торговых и политических мировых путей. И англичане уже давно мечтали наложить на него свою руку, но им никак не удавалось вынудить к переговорам хедива. Сообщение шпионов парижским Ротшильдам означало, что сейчас такой случай представился. Как писали современники, Дизраэли только спросил у Лайонела Ротшильда: «И сколько же египтяне хотят?». После этого оба поднялись от стола и пошли телеграфировать в Париж. Пока в библиотеке был подан коньяк, от парижских Ротшильдов уже прибыл ответ: хедив просит 4 млн фунтов (по тогдашнему курсу – 44 млн долл.).

На другой же день политическая машина, хотя и не без скрипа, пришла в движение. Парламент как раз находился на каникулах, а закон запрещал Банку Англии предоставлять займы в перерывах между парламентскими сессиями. И вообще руководители банка сказали лорду Дизраэли: такой большой заем – в 4 млн фунтов – они не смогут выдать сразу, в одной сумме, не подвергнув потрясению лондонскую денежную биржу. Дизраэли же знал, что все зависит сейчас от быстроты, почти молниеносности действий. Сначала он попросил аудиенции у королевы Виктории, потом созвал заседание совета министров. После получасового совещания премьер появился из зала заседаний и ожидавшему в передней своему секретарю сказал только: «Да».

Секретарь знал: речь идет о том, что кабинет уполномочил Дизраэли просить заем на покупку Суэцкого канала не у Банка Англии, а у Ротшильдов. «Когда секретарь премьер-министра вошел в комнату, – пишет биограф Ротшильдов Ф. Мортон, – Лайонел Ротшильд, сидя в кресле, ел мускатный виноград. Он продолжал лакомиться виноградом и когда посланец Дизраэли сказал ему, что английское правительство очень хотело бы завтра к утру получить займы 4 млн фунтов. Секунды две Лайонел молча разжевывал виноградные ягоды, а затем, выплюнув зернышки, сказал: „Ну что ж, получит“».

Двумя днями позже лондонская «Таймс» заявила, что банкирский дом Ротшильдов перевел на счет египетского хедива 4 млн фунтов и тем самым дал возможность правительству ее величества приобрести 177 тыс. акций, ранее находившихся в руках правителей Египта. А это давало Великобритании право контроля над Суэцким каналом. 24 ноября 1875 года Дизраэли отправил восторженное письмо королеве Виктории: «Он – ваш, мадам, ваш! Мы переиграли французское правительство. Четыре миллиона фунтов стерлингов, и причем немедленно! Это могла сделать только одна фирма в мире – Ротшильды!».

Десятки других подобных эпизодов украшают историю Ротшильдов. В опубликованной перед Первой мировой войной статистике говорилось, что лондонский банкирский дом Ротшильдов финансировал 18 глав правительств в различных странах мира. Сумма предоставленных им кредитов по нынешнему курсу составила 30 млрд долл. Супруга австрийского императора Франца-Иосифа Елизавета последние дни своей жизни провела на вилле Ротшильдов близ Женевского озера, где ее и сразил кинжал анархиста. Королева Англии Виктория была постоянной гостьей во дворцах Ротшильдов, и каждое лето несколько недель ее семейство отдыхало в их замках на юге Франции. (В дневниках одного из братьев Ротшильдов содержится запись о том, как баронесса Алиса Ротшильд однажды даже прикрик-

нула на английскую королеву: «Немедленно сойдите с газона, вы же топчете мои цветы!»). Виктория послушно отошла от несчастных цветов.)

Это была вершина – и здесь мало что изменил даже тот факт, что со временем из пяти банковских домов Ротшильдов выжили только три. Состоялось объединение Италии, и связаный с неаполитанским королевским двором банковский дом Ротшильдов закрыл свои двери. Со смертью в 1901 году во Франкфурте последнего мужчины в роду отмерла немецкая ветвь фамильного древа, и тамошний банковский дом прекратил существование. (Однако по женской линии вплоть до прихода к власти Гитлера франкфуртский банковский дом Ротшильдов еще функционировал, хотя прежнего своего значения он уже не приобрел. Дочь последнего франкфуртского Ротшильда вышла замуж за банкира Гольдшмидта, и банк стал называться «Банкирский дом Ротшильд – Гольдшмидт».)

Первая мировая война означала для Ротшильдов относительное падение их влияния в финансовом мире. Биографы династии считают, что основная экономико-политическая причина этого состоит в том, что-де с Первой мировой войны всемирно-политическую роль завоевывают Соединенные Штаты Америки, а значит, и американские финансовые воротилы, капиталисты и банкиры. Фактом является то, что во время Первой мировой войны каждый из Ротшильдов поддерживал именно то правительство, в столице которого размещался его «штаб». В этой войне нового типа уже не было возможности координации действий между разными домами Ротшильдов, а тем более для «романтической» деятельности их шпионской и курьерской служб. Но и в этот своеобразный период истории события иногда имели комический оттенок. Жена барона Мориса де Ротшильда, главы французского банковского дома, отправилась отдыхать от военных лишений в Швейцарию, в Санкт-Мориц. Остановилась банкирша в легендарном и поныне отеле «Палас», дирекция которого заверила баронессу, что в гостинице нет немцев. И вдруг за ужином мадам Ротшильд попала на глаза жена одного немецкого владельца фабрик шампанского, которая также отдыхала от тягот войны в этой же фешенебельной гостинице. Супруга Ротшильда, забыв о том, что ее семейство родом из Франкфурта, иначе говоря, из Германии, возмущенно вскричала: «Видеть не могу этих немцев!» – и покинула гостиницу, поклявшись, что она больше ни ногой в Санкт-Мориц.

Но у Ротшильдов даже и обида – это тоже бизнес: сгорая от желания отомстить, баронесса уговорила мужа построить новый, свой собственный фешенебельный курорт в живописных французских Альпах, возле городка Межев. Сегодня это один из самых дорогих зимних французских курортов и бриллиант в ряду авуаров банка Ротшильдов. Ф. Мортон говорит об этом так: «Когда в 1918 году орудия смолкли, ничто уже не осталось тем же самым, чем было в начале войны. Изменились даже Ротшильды».

В истории династии это, разумеется, не означало ничего иного, кроме того, что Ротшильды стали немного скромнее. Но банковский дом, как и прежде, действовал на полную мощь. Богатства его остались нетронутыми, предприятия продолжали приносить фантастические прибыли, и всю разницу по сравнению с довоенными временами можно было, пожалуй, суммировать так: на новом этапе монопольный капитал Ротшильдов уже не оказывал такого решающего влияния на поворотные моменты всемирной политики, как, скажем, во времена битвы при Ватерлоо или займа на покупку Суэцкого канала.

Размаху деятельности австрийского дома Ротшильдов, разумеется, мешало то обстоятельство, что если в 1914 году венские Ротшильды еще были главенствующими банкирами могущественной великой державы, в 1918 году, с распадом австро-венгерской монархии, их деятельность ограничилась только маленькой Австрией.

Теперь уже в первую очередь все зависело от тесного сотрудничества всех Ротшильдов – английских, французских и австрийских – в сфере главным образом финансовых спекуляций. Лидером в этих маневрах был и остается до наших дней, можно сказать, исключительно

влиятельный представитель французского дома Ротшильдов барон Эдуард Ротшильд, член правления французского национального банка.

Теперь Ротшильды решили создать международный банковский синдикат, щупальца которого тянулись от Луи Ротшильда с его венским банком «Кредитанштальт» до банкирского дома Морганов в Нью-Йорке. Международные валютные спекуляции приносили огромные прибыли всему клану Ротшильдов все время – вплоть до наступления всемирного кризиса 1929 года. Особенно сильно кризис затронул положение австрийских Ротшильдов. В 1930 году самый значительный в то время сельскохозяйственный кредитный банк Австрии «Боден-кредитанштальт» оказался на грани краха, и австрийский канцлер лично отправился к Луи Ротшильду просить принять на свой баланс долги пошатнувшегося банка. Ротшильд внял просьбе канцлера, но в условиях всемирного кризиса эта спасательная акция настолько обременила сальдо частного банка, что через год он и сам вынужден был прекратить платежи. Крах банка «Кредитанштальт» означал, собственно говоря, покотившуюся теперь лавиной великую экономическую депрессию в Центральной Европе, начавшуюся еще в 1929 году. Крах обошелся австрийским Ротшильдам в 30 млн золотых шилл., а австрийскому правительству, предоставившему банку субсидии, – по меньшей мере вдвое больше!

Но Луи Ротшильд и после краха банка «Кредитанштальт» оставался самым богатым человеком в Австрии. Венский банк Ротшильдов этот крах не потряс. Ведь австрийские Ротшильды были еще и крупнейшими помещиками Центральной Европы.

Опасности для них надвигались совсем с другой стороны: к западу от австрийской границы в эти годы уже все громче топали сапоги нацистских штурмовых отрядов, и было ясно, что и венских Ротшильдов ждут определенные испытания – не потому, что они банкиры, но потому, что они евреи.

Впрочем, легендарный аппарат ротшильдовских курьеров в делах семейных продолжал существовать и функционировать, и банкирский дом французских Ротшильдов буквально за день до предстоящего «аншлюса» (присоединения к Германии) теперь уже маленькой страны – Австрии известил об этом Луи Ротшильда. Французские родичи советовали Луи Ротшильду немедленно покинуть Австрию. Но барон был великим сибаритом и явился (разумеется, в сопровождении лакея) с билетом на самолет на венский аэродром только на следующий день.

Однако прежде чем ему удалось сесть в самолет на Цюрих, два нацистских охранника опознали его и отобрали у него и билет, и заграничный паспорт. А двумя днями позднее эсэсовцы появились во дворце барона Ротшильда, чтобы предложить «следовать за ними». С этого момента началась трагикомедия отношений между нацистами и венскими Ротшильдами – характерный образчик глубокого почтения и уважения Гитлера к капиталистическим тузам.

Барон Луи Ротшильд отвечал эсэсовцам, что он с радостью последует за ними, но прежде хотел бы поужинать. Штурмовики, которые не очень-то привыкли к такого рода пожеланиям, на сей раз, как видно, получили специальное указание, потому что терпеливо стояли возле стола, накрытого белой дамасской скатертью, и ждали, пока три лакея подадут барону ужин, а затем он не спеша омоет ароматной водой пальцы, выкурит после ужина привычную сигару, примет предписанные ему лекарства. Только после этого барон в сопровождении эсэсовцев покинул свой дворец.

Луи Ротшильда привели к начальнику новой австрийской полиции, которую теперь возглавили нацисты. Здесь, как рассказывают биографы, между ними состоялся такой диалог: «Словом, вы и есть Ротшильд? Ну, и как вы богаты, если быть точным?». Барон Луи на это ответил, что прошло бы несколько дней, пока его бухгалтеры на основании сводок всемирных фондовых бирж и складов сырья смогли бы определить истинные размеры его состояния на данный момент. «Ну хорошо, – сказал начальник полиции, – тогда скажите

мне хотя бы, какова стоимость вашего венского дворца вместе с находящимися там сокровищами искусства?». На это Ротшильд отвечал так: «А сколько стоит венский собор Святого Стефана?».

На этом моменте начальник полиции прекратил допрос и велел сунуть барона в камеру. Но барон недолго оставался там. Вскоре его доставили в венское управление гестапо, где поместили в каморку рядом с лишенным своего поста бывшим австрийским канцлером Шушнигом.

Отныне не могло быть и речи о том, чтобы барону Ротшильду угрожала какая-нибудь физическая опасность. Сам всемогущий Герман Геринг отправил в Швейцарию специального уполномоченного, некоего Отто Вебера, чтобы сообщить цюрихскому представителю Ротшильдов условия нацистов. Барона Луи отпустят, сказал Вебер, если маршал Геринг получит за эту любезность 200 тыс. долл. (разумеется, не в марках, а в долларах, депонированных на его имя в одном из сейфов швейцарского банка). А гитлеровская империя получит все имущество австрийских Ротшильдов, включая сталелитейный завод в Витковице, в Чехословакии. Уполномоченные Ротшильдов в Цюрихе торговались упорно. Они сообщили удивленному представителю Геринга, что Ротшильды уже двумя годами раньше тайно продали большую часть акций завода в Витковице англичанам. Однако они готовы передать Берлину в обмен на предоставление свободы барону Луи имущество австрийского дома Ротшильдов. Завод в Витковице Геринг может получить только после того, как барон Луи прибудет за границу, а нацисты выплатят английским Ротшильдам 3 млн ф. ст.

Торг затянулся. Правда, тем временем нацисты уже оккупировали Чехословакию, но завод в Витковице, принадлежавший теперь уже англичанам, еще не перешел в руки немцев.

В разгар торга в комнату Ротшильда в ставке гестапо однажды явился сам кровавый палач Генрих Гиммлер, грозный рейхсфюрер СС. Целый час они торговались об условиях, но барон Ротшильд так и не уступил. Гиммлер ушел несолоно хлебавши, а через час появились грузчики, присланные руководством СС. Они внесли в комнату напольные часы времен Людовика XIV и никак с ними не гармонирующую огромную китайскую вазу, а кровать в комнатке арестанта накрыли оранжевым бархатом. Тем самым Гиммлер давал понять барону, что ему еще долго придется оставаться заложником в ставке венского гестапо. Однако барон Луи Ротшильд, который совершенно точно знал, что он и для фашистских убийц не простой узник, наорал на эсэсовцев: «Вынесите отсюда эту кучу безвкусицы!».

На другой день люди Гиммлера сообщили барону, что Гиммлер принимает условия Ротшильда и тот может немедленно уехать за границу. И тут-то Луи Ротшильд еще больше удивил венское гестапо. Он заявил, что сейчас уже вечер, 11 часов, и он не может заставлять своих венских друзей, чтобы они так поздно занимались им, а потому он желает и эту ночь провести в ставке гестапо. В истории гестапо таких примеров еще не было, поэтому тюремщикам пришлось по телефону запрашивать специальные инструкции из Берлина.

Последнюю ночь в венском гестапо барон Луи Ротшильд провел уже в качестве гостя. А спустя еще два дня он пересек швейцарскую границу. В июле 1939 года немцы сообщили, что они в соответствии с договоренностью согласны перевести в лондонский банк Ротшильдов 3 млн ф. ст. за акции завода в Витковице. Однако британское правительство вступило в войну до того, как деньги нацистов поступили в Лондон...

В Париже венская трагикомедия не повторилась, потому что французские Ротшильды заблаговременно укатили, кто – в Лондон, кто – в Соединенные Штаты. Однако и в Лондоне они продолжали плести ту же самую золотую паутину, которая явилась источником нынешнего могущества и связей современных французских Ротшильдов. Один из молодых членов семьи французских Ротшильдов – Ги де Ротшильд в Лондоне примкнул к генералу де Голлю и на службе у него выполнил несколько секретных поручений. К концу войны он был адъютантом военного коменданта Парижа. (Кстати сказать, дом № 107 на Пикадилли, где во

время войны размещался «Клуб офицеров свободной Франции», являлся собственностью английских Ротшильдов.)

Но если самих Ротшильдов нацисты и не схватили в Париже, то имуществом их все же завладели. Правда, часть картин и других произведений искусства Ротшильдам удалось переправить в испанское и аргентинское посольства, многие ценности спрятали в Лувре, чтобы они там были под соответствующей защитой как «национальное достояние Франции». Но Лувр оказался плохой защитой, потому что по настоянию Геринга Гитлер издал специальный приказ, которым аннулировал документы о передаче имущества Ротшильдов Лувру и оставлял за собой право распоряжаться сокровищами Ротшильдов.

После войны было установлено, что во Франции нацисты разворовали в целом по стране 203 частные коллекции, насчитывавшие около 16 тыс. предметов искусства. Из этого числа больше 4 тыс. принадлежало Ротшильдам. После войны сокровища Ротшильдов на специальных поездах свозили обратно в Париж. На товарных станциях доверенные эмиссары семейства ожидали прибытия поездов и сортировали картины, скульптуры и гобелены, определяя, какому из членов семьи они принадлежат, из какого дворца в свое время их вывезли.

После окончания Второй мировой войны в новых политических и экономических условиях Ротшильды уже не могли восстановить свои прежние, не имевшие аналогов позиции. Однако два уцелевших опорных столпа – лондонский и парижский банкирские дома Ротшильдов – и поныне считаются великими державами в финансовом мире.

После реставрационной работы, длившейся целое десятилетие, снова сияет в своей прежней красе символ величия и могущества Ротшильдов – замок Ферри, которым восхищался в свое время германский император Вильгельм II. Биограф династии Ротшильдов Ф. Мортон написал в связи с этим замком несколько фраз, в которых лучше всего отразились противоречия мифов и действительности истории Ротшильдов: «Анфилада салонов, достойных императора; хрустальные вазы и висячие сады; картины, гобелены, инкрустации из слоновой кости и черепахи; лебеди на глади прудов; краны литого серебра в ваннных комнатах. При виде всего этого можно спросить: жил ли когда-либо на свете Робеспьер, была ли когда-нибудь Французская революция?».

Рокфеллер – всемирный плантатор

Сын барышника. – Бродвей, 26, 1400-я комната. – Кровавая резня в Ладлоу. – Керосиновая лампа «стандарт». – Война, прибыли, их распределение. – Пять сыновей и одна дочь. – Банкир Дэвид. – Фирма в Белом доме

Когда после Второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки был составлен список больших состояний, 21 член семьи Рокфеллеров фигурировал в нем с имуществом, оценивавшимся в 3 млрд долл., и 17 млн долл. годового подоходного налога. Немалая сумма, однако исследователи истории богатства Рокфеллеров уже давно отметили, что эти суммы не отражают того неслыханного политического и экономического влияния, которое оказывает семья Рокфеллеров и контролируемые ею предприятия на экономику Соединенных Штатов и капиталистического мира в целом и даже на определение их политики. Несколько лет назад был произведен новый подсчет. По нему, с учетом даже падения стоимости доллара в 1946 году, капиталовложения Рокфеллеров в различные гигантские предприятия оценивались уже в 6 млрд долл. Если к этому добавить вклады в банки и стоимость недвижимого имущества клана, получится круглая сумма в 7 млрд долл. Это само по себе означает, что с окончания Второй мировой войны финансовый вес клана Рокфеллеров удвоился. А согласно самым последним оценкам, богатство клана уже достигло 10 млрд долл.

В противоположность, однако, таким «одиноким волкам», как Гетти, финансовая мощь Рокфеллеров преднамеренно подсчитывается разделенной на части. Так, например, Джон Д. Рокфеллер-младший, тогдашний глава клана, в год своей смерти, в 1960 году, с имуществом в 1 млрд долл. занимал только шестое место в списке американских сверхбогачей. К концу семидесятых годов в списке богатеев другой член клана – миссис Эбби Рокфеллер – хотя и фигурировала на одном из почетных мест, но имущество ее оценивалось «всего только» в 300 млн долл., и потому она была 19-й в этом списке. Дэвид Рокфеллер, президент второго по величине банка «Чейз Манхэттен бэнк», с его 280 млн долл., стоял на 23-м месте. Остальные: самый младший – Джон-Дэвид, Лоренс, Уинтроп и Нельсон Рокфеллеры, – имея каждый по 260 млн долл., занимали 24-е, 25-е, 26-е и 27-е места. Уже по этому перечислению наблюдателю нетрудно догадаться, что не в цифрах нужно искать истинные размеры экономической и политической мощи династии Рокфеллеров. Гетти стоит на первом месте. Дэвид Рокфеллер, занимающий пост генерального директора и президента «Чейз Манхэттен бэнк» и находящийся только на 19-м месте, имеет значительно большую экономическую мощь.

Естественно, среди богатств клана Рокфеллеров наиболее важное место занимают различные предприятия «Стандард ойл», и прежде всего «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Наверное, это – крупнейшее промышленное предприятие капиталистического мира. И семья Рокфеллеров держит в своих руках приблизительно 15 % акций этого предприятия, что практически означает, что Рокфеллеры контролируют весь этот промышленный гигант. Аналогичное положение и с остальными предприятиями «Стандард ойл»: имея 12–17 % акций, Рокфеллеры фактически руководят ими. В меньшей степени, но с большим влиянием участвуют Рокфеллеры в крупнейших железнодорожных компаниях США и даже в известной части крупнейших сталелитейных трестов. К этому нужно добавить и финансовую мощь, которую являют собой «Чейз Манхэттен бэнк» и нью-йоркский «Ферст нэшнл сити бэнк», контроль над которым – в руках у Рокфеллеров. (Этот последний является третьим по величине банкирским домом США, так что из «большой тройки» в двух – решающее слово за Рокфеллерами.)

Нынешние отцы династии с высоты самой большой финансовой и экономической мощи в мире капитализма высокомерно поглядывают на истоки могущества их кланов.

А что? Эти истоки действительно восходят к какому-то жалкому барышнику-лошаднику, а потом – бродячему аптекарю, который во второй половине сороковых годов XIX века на двуколке объезжал деревушки штата Нью-Йорк, предлагая для продажи все, что продается: от лошадей и плавленого сахара до всевозможных лечебных трав и приготовленных из этих трав исцеляющих все болезни настоев. Его настоящее имя и поныне остается в тайне. Известно наверное только, что он при этом именовал себя «д-р Уильям Эвери Рокфеллер», а женившись, официально узаконил этот свой псевдоним. Супруга подарила ему семерых детей, старший из которых родился в 1839 году. Этот-то первенец и стал позднее основателем династии миллиардеров и «керосиновым королем». Имя его – Джон Дэвидсон Рокфеллер. Джон окончил коммерческую школу и, будучи всего лишь 16 лет, поступил счетоводом в торговую контору по продаже угля и зерна в Кливленде. А в 19 лет он уже решил обрести самостоятельность и открыл собственный комиссионный магазин с капиталом в тысячу долларов. Деньги ему дал отец под довольно высокий процент: 10 процентов в год!

Но уже через год у Джона обнаружили тяжелое заболевание – язву желудка. Два года он должен был есть только бисквиты и простоквашу, и вообще врачи предсказывали ему неминуемую скорую смерть. У него выпали волосы и брови, лицо сморщилось, как выжатый лимон. В 20 лет он был уже таким же сморщенным и старым, как в конце жизни – в 98 лет, когда похоронил 37-го по счету домашнего врача.

В 1862 году, когда Рокфеллеру было 23 года, им тоже овладела «нефтяная лихорадка», охватившая, впрочем, весь штат Огайо, и он, недолго раздумывая, построил нефтеперегонный завод примерно в 200 милях от Кливленда. Место это Рокфеллер выбрал не случайно. Человек с лицом мумии был одним из первых в США, кто оценил значение транспорта для нефтедобычи. Оценил и пришел к выводу: Кливленд, лежащий вблизи американских Великих озер, на перекрестке двух железнодорожных линий, скоро станет играть ключевую роль в доставке добытой нефти в наиболее развитые промышленные районы на Восточном побережье США.

Рокфеллер приобрел контрольный пакет акций Южного общества по нефтеперегонке. Это общество поставляло сырую нефть на нефтеперерабатывающие заводы и потому волевым образом было связано с крупнейшими железнодорожными акционерными обществами. В то время на территории, где добывалась и перерабатывалась нефть, действовали три крупные железнодорожные компании – «Эри», «Центральная» и «Пенсильвания». Первым делом Рокфеллер заключил секретные соглашения с руководителями Пенсильванской железнодорожной компании. Детали этих соглашений стали известны общественности только значительно позднее, когда начался судебный процесс против «нефтяного короля». Существо же договоренностей состояло в том, что Рокфеллер гарантировал железнодорожным компаниям договоры на транспортировку определенного количества сырой нефти. За это «Пенсильвания» обязывалась перевозить его нефть за половинную цену, да еще выплачивать Рокфеллеру часть прибыли, которую железная дорога получит, взимая более высокие транспортные тарифы с конкурентов Рокфеллера. Короче говоря, это означало, что Рокфеллеру нефть стоила дешевле, чем его конкурентам, и те оказывались перед выбором: либо разориться, либо поскорее избавиться от своих предприятий.

И это был еще самый деликатный прием в борьбе Рокфеллера со своими конкурентами. А вообще он скупал бочки и цистерны, чтобы его конкурентам не в чем было перевозить нефть. Он организовал первую в капиталистическом мире систему промышленного шпионажа и с помощью этой шпионской сети скупал участки земли, по которым его конкуренты собирались проложить свои нефтепроводы. Он организовывал компании по перегонке нефти, которые с виду были конкурентами Рокфеллера, а на самом деле находились у него в руках. И когда его действительные конкуренты заключали сделки с его мнимыми конкурентами, уверенные в том, что теперь они вместе с новыми союзниками будут бороться против

Рокфеллера, они, к своему ужасу, убеждались, что практически отдали свои предприятия в руки противника!

К 1870 году Рокфеллер проглотил всех своих опасных конкурентов и с основным капиталом в 1 млн долл. организовал компанию «Стандард ойл». Вот тогда-то он и столкнулся с железнодорожной компанией «Пенсильвания», с которой раньше отлично сотрудничал. Дело в том, что хозяева «Пенсильвании» уже с беспокойством наблюдали за тем, что они все больше зависят от поставок нефти Рокфеллером. В конце концов они решили все свои силы бросить в бой на стороне единственного уцелевшего конкурента Рокфеллера – нефтеперегонной компании «Эмпайр». В ответ Рокфеллер, его фирма «Стандард ойл» наводнили все предприятия, добывающие нефть, своими агентами, которые принялись скупать всю сырую нефть по гораздо более высоким ценам, чем представители фирмы «Эмпайр». Подняв сначала цены на сырую нефть, фирма «Стандард ойл» стала затем продавать уже перегнанную на керосин намного дешевле сырой как раз в тех городах, где свою очищенную нефть продавала и фирма «Эмпайр». Это, конечно, означало для Рокфеллера большие материальные затраты и повышенный коммерческий риск, но он знал, что если ему удастся разрушить союз «Эмпайр» с «Пенсильванией», то позднее он вернет с лихвой деньги, поставленные им на кон этой опасной игры. И началась «война цен» против конкурентов из союза «Эмпайр» – «Пенсильвания», в результате которой союзники оказались в таком отчаянном положении, что «Пенсильвания» вынуждена была буквально бесплатно транспортировать нефть компании «Эмпайр», но все равно не могла противостоять демпингу Рокфеллера.

Тем временем среди рабочих транспортной фирмы «Пенсильвания» началось недовольство, поскольку железнодорожная компания пыталась компенсировать свои потери за бесплатные перевозки нефти увольнением рабочих и снижением заработной платы.

Среди железнодорожников появились агенты шпионской и контрразведывательной службы Рокфеллера, переодетые в рабочую одежду. Они-то и стали подстрекать железнодорожников, призывая к насильственным, а то и вооруженным выступлениям. Провокаторов и их хозяев не пугало, что рабочим «Пенсильвании» придется заплатить кровью за этот неподготовленный бунт. В июле 1877 года в паровозном депо города Питтсбург разразился знаменитый «деповский бунт». Руководители «Пенсильвании» вызвали полицию, и та первым же залпом сразила 20 бунтующих рабочих. После этого залпа началось настоящее восстание. На какое-то время бунтовщики разогнали полицейских, и толпа железнодорожников принялась поджигать, облив нефтью, паровозы компании «Пенсильвания» и цистерны с горючим. К утру «Пенсильвания» обратилась за помощью уже в Вашингтон, в Белый дом, откуда были присланы и брошены против бунтующих рабочих части федеральной армии. Последовали новые оружейные залпы, на землю рухнули новые и новые убитые и раненые. Разумеется, агенты Рокфеллера, выполнив свою провокаторскую роль, исчезли. А когда смолкли залпы и рассеялся дым от сгоревших железнодорожных составов, стало очевидно, что Рокфеллер ценой крови рабочих-железнодорожников из депо поставил крест на союзе между фирмами «Эмпайр» и «Пенсильвания». 500 нефтеналивных цистерн, 1 тыс. товарных вагонов, 120 паровозов погибли в огне. Компания «Пенсильвания» пошла на поклон к Рокфеллеру и приняла все его условия. К концу переговоров владелец «Стандард ойл», будто всемогущий повелитель, распределил между транспортными компаниями на выгодных ему условиях доли каждой фирмы в нефтепоставках. Начиная с этого дня в Америке без разрешения «Стандард ойл» практически никто не имел права поставлять нефть куда-либо.

В результате победы, одержанной над фирмой «Пенсильвания», в 1899 году в Соединенных Штатах Америки вся нефтеперерабатывающая промышленность оказалась в руках группы фирмы «Стандард ойл». В составе 34 акционерных обществ, входивших в тресты Рокфеллера, было 80 нефтеперерабатывающих заводов, на которых работало более 100 тыс. человек. Известнейший историк промышленности Соединенных Штатов Ида Тарбелл

писала в своей знаменитой книге о формировании богатства Рокфеллеров: «Во второй половине XIX века страх американских предпринимателей перед „Стандард ойл“ можно сравнить только с трепетом правителей стран Европы перед Наполеоном в начале века».

Тогда-то и началась в американском конгрессе грандиозная кампания за раздробление гиганта «Стандард ойл» на части под капиталистическим лозунгом «защиты свободной конкуренции».

Рокфеллер уже в первом раунде этой борьбы поспешил упредить государственные законодательные мероприятия. Он использовал то обстоятельство, что в различных американских штатах действовали неодинаковые законы, направленные против трестов. В штате Огайо, где, собственно, родилась фирма «Стандард ойл», эти законы были достаточно строгими. Рокфеллер подыскал среди 80 своих предприятий расположенное в таком штате, где законы против трестов были наименее суровы и можно было легче подкупить местных политиков. Так выбор пал на штат Нью-Джерси. Агенты Рокфеллера «работали» с большими суммами, осуществляя подкупы чиновников и политиков. Буквально за несколько недель они добились в законодательном собрании штата Нью-Джерси, чтобы там были приняты законы, благоприятные для «Стандард ойл». Так старое вино «Стандард» удалось перелить в новые бурдюки.

Была изменена вся структура фирмы. 34 акционерных общества, объединявших 80 нефтеперегонных заводов, превратились в 20. Организационно они были теперь «независимыми друг от друга», на самом же деле все они подчинялись до тех пор почти никому не известной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Был проделан еще и такой трюк: разукрупнили общую дирекцию фирмы «Стандард ойл». Разумеется, только номинально. Дирекция заседала по-прежнему в том же доме 26 на Бродвее, в Нью-Йорке. Только прежнего названия у нее больше не было. В официальной переписке решения этой дирекции отныне начинались так: «Господа, собравшиеся в 1400-й комнате в доме 26 на Бродвее, считают...».

Однако война на этом не закончилась. Действия Рокфеллера вызвали повсеместно в Соединенных Штатах Америки такое возмущение, что борьба против него стала внутривнутриполитическим сражением, охватившим всю страну, и органической частью погони президента за популярностью. В первые годы столетия именно из этих соображений Теодор Рузвельт, президент США, предпринял новое наступление против уже перестроенной монополии «Стандард». Дело медленно ползло по американским судам всех степеней, пока наконец не очутилось в очень важной инстанции; его передали в Федеральный суд США. Этот суд наказал денежным штрафом одно из предприятий Рокфеллера за использование тайных транспортных тарифов. Этим предприятием была фирма «Стандард ойл оф Индиана». А приговор суда гласил: за каждый случай использования незаконных транспортных тарифов виновный должен платить штраф в 20 тыс. долл. Это означало в целом не меньше 29 млн долл., что по тем временам было равносильно тому, как если бы все граждане Соединенных Штатов, включая младенцев, заплатили по 35 центов.

Рокфеллер в белом парике на морщинистой, как сухой гриб, голове, как раз играл в гольф, когда посыльный принес сообщение о назначенном денежном штрафе. Нефтяной магнат вскрыл письмо, прочел его и дал десять центов на чай посыльному. А потом, обращаясь к партнерам по гольфу, сказал: «Ну что, господа, продолжим игру?». Один из них, не выдержав, спросил: «Сколько же придется платить?». На это Рокфеллер спокойно ответил: «29 миллионов долларов». И, как отмечает Альберт Карп, один из биографов Рокфеллера, он еще никогда не играл в гольф так хорошо, как в этот день. (Хладнокровие Рокфеллера станет понятным, если мы вспомним, что за период с 1882-го по 1906 год, то есть за 24 года, он, имея капитал в 70 млн долл., заработал 700 млн долл. прибыли, то есть больше чем по 40 % в год.)

Конечно же, Рокфеллер знал, что предпринятый против него «крестовый поход» никогда не будет вестись последовательно: ведь капитализм уже давно утвердился в Соединенных Штатах, закончилась его эпоха свободного предпринимательства, свободной конкуренции. И что тот же самый Теодор Рузвельт, который в силу требований внутренней политики, в угоду общественному мнению начал целую серию судебных процессов против «Стандард ойл», в то же самое время исподволь позволил другому хищнику – крупному банкиру Моргану скупать и пожирать независимые средние американские металлургические заводы для создания из них затем огромной сталелитейной монополии «Юнайтед Стейтс стил». Так что Рокфеллер отлично знал: всякий направленный против него приговор или решение неизбежно станут со временем формальными, какими бы строгими и непреклонными они на первый взгляд ни казались.

Летом 1911 года дело «Стандард ойл» дошло до Верховного суда, который вынес окончательный приговор, обязывавший Рокфеллера разделить монополию «Стандард ойл» на несколько более мелких предприятий. Тогда-то «Стандард ойл» и обрела свою нынешнюю форму. Но монополию только для вида раздробили на части. На самом же деле Рокфеллер сохранил все свои заводы, лишь поменяв каждому из предприятий название. Так что могущество треста Рокфеллера ничуть не уменьшилось, а даже, пожалуй, выросло.

Альберт Карр в связи с этим приводит один интересный пример. После судебного решения о разделении «Стандард ойл» на части общественное мнение сочло, что Рокфеллер потерпел поражение, и вследствие этого акции «Стандард» на бирже начали стремительно падать. С каким удивлением оно узнало позднее, что биржевые спекулянты и вообще финансисты отлично разобрались в сущности происходящего. Вскоре после судебного решения акции «Стандард» начали подниматься в цене. Как пишет Карр, «это был величайший фейерверк в истории Уолл-стрит». Ведь было ясно, что нового похода против «Стандард» больше предпринять не удастся. Таким образом монополия в своей новой форме делается еще более прочной и стабильной, чем до сих пор. Когда «фейерверк» отскочил огнями, стало ясно, что акции (теперь уже «независимых») предприятий «Стандард» все вместе стоят на 200 млн долл. больше, чем до сих пор. А сам Рокфеллер в результате последовавших за решением суда спекуляций на бирже нажил 56 млн долл. И именно тогда и высчитали американские газетчики, что если бы он разменял все свое личное состояние на пятидолларовые золотые монеты и сложил их в нью-йоркском порту одну на другую, то высота этого золотого столба равнялась бы 25 статуям Свободы. Самый известный политический карикатурист того времени на страницах «Чикаго трибюн» изобразил руководителей крупных американских монополий стоящими в очереди перед зданием Верховного суда США и умоляющими: «Разделите нас на мелкие предприятия».

Во главе нового (а на самом деле старого) «Стандард» Рокфеллер продолжал стяжать богатства. «Стандард» стал постоянным клиентом службы Бергхофа – пресловутого предприятия по разгрому забастовок. Руководитель этого предприятия, мистер Бергхоф, называвший себя «королем штрейкбрехеров», в своих мемуарах тоже упоминает фирму «Стандард ойл» как «первого из его клиентов».

Это Бергхоф и его банда головорезов летом 1913 года печально отличились в знаменитой «ладлоуской бойне». Ладлоу – маленький городок в штате Колорадо, близ которого находилась одна из шахт, принадлежавших империи Рокфеллера. Шахтеры в знак протеста против бесчеловечных условий жизни и труда оставили шахты и подняли мятеж против «Стандард».

По указанию Рокфеллера руководство шахты, сговорившись с полицией штата Колорадо, сначала привезло туда штрейкбрехеров – отставных полицейских, беглых солдат и разыскиваемых уголовников – и попыталось использовать их для срыва стачки. Руководили ими люди Бергхофа. Однако сорвать забастовку не удалось, и, несмотря на лишения, рабо-

чие шахты Рокфеллера держались много месяцев. Головорезы построили палаточный лагерь вокруг барачков, где рабочие окопались и не пропускали штрейкбрехеров. Наконец, против шахтеров были брошены войска регулярной американской армии. Солдаты, защищая интересы Рокфеллера, открыли залповый огонь по бастующим.

Джон Рид, крупный американский журналист того времени, который позднее опубликовал книгу о Великой Октябрьской социалистической революции, в страстном послании, адресованном Рокфеллеру, писал после «ладлоуской бойни»: «Это ваши шахты, вами направляемые солдаты и ваши бандиты. Так что вы и есть убийца!».

«Империя Рокфеллера» растоптала борющихся за свои права рабочих. Таковую же судьбу уготовила она и своим конкурентам. Разумеется, не залпами ружей, но самыми утонченными средствами коммерческой борьбы.

Нефтяной король уже в начальном периоде расширения и роста «Стандард» искал, каким образом можно пустить корни, а затем встать твердой ногой в стране и за рубежом. Крупнейшие, вторые по величине в мире нефтяные месторождения в то время были в царской России. Здесь нефтяные скважины увеличивали богатства семейства Нобелей, происходивших из Швеции, и английских Ротшильдов. «Стандард» успела заключить деловое соглашение с представителями этих фирм, создав совместную компанию для разработки нефтяных месторождений России. Но утвердиться здесь Рокфеллер не сумел. В первую очередь потому, что возникший в конце века англо-голландский концерн «Ройял датч – Шелл» имел гораздо более прочные связи с тогдашними хозяевами бакинской нефти.

Между прочим, концерн «Ройял датч – Шелл» и в других регионах планеты являлся самым серьезным конкурентом «Стандард». Конфликт, вспыхнувший между этими двумя нефтяными хищниками, был, пожалуй, самой беспощадной войной в истории нефти. Это произошло из-за обладания китайским рынком. На рубеже веков, когда нефть еще использовали в основном для освещения, Китай, с его 400 млн жителей, несмотря на необыкновенную отсталость страны, был заманчивым рынком сбыта. У черта на куличках, в тысячах китайских деревушек «Стандард» даром раздавала бедным крестьянам керосиновые лампы, рассчитывая, что потом их будут наполнять рокфеллеровским керосином. Поскольку, однако, фирме «Ройял датч – Шелл» принадлежали гигантские нефтяные месторождения Индонезии, которая находилась значительно ближе к китайскому рынку, чем Рокфеллер, лампы «Стандард» в основном наполняли в китайских селах керосином с нефтеперерабатывающих заводов «Шелл». Для завоевания китайского рынка Рокфеллер попытался повторить в мировом масштабе тот же самый метод «войны цен», с помощью которого он в свое время завоевал внутренний американский рынок. Однако в Китае обстановка была менее благоприятной, и в конце концов Рокфеллер вынужден был искать соглашения с владельцами компании «Ройял датч – Шелл».

Разумеется, эта «война цен» значительно выходит за рамки истории фирмы «Стандард ойл». Она является не в последнюю очередь также частью истории компании «Ройял датч – Шелл». Отметим, что эта «война цен» своими последствиями привела, в частности, к тому, что в 1928 году крупные нефтяные тресты поделили между собой мир, а впоследствии создали международный нефтяной картель: тот самый союз хищников, который и ныне ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с экономически слаборазвитыми странами, имеющими нефтяные месторождения.

На опыте этой «войны цен» Рокфеллеру пришлось убедиться, что он не один на свете. Но вместе с тем у него еще больше выросли возможности дальнейшего роста. И в первую очередь – в области вступавшего в свои права автомобилестроения. В 1895 году в Америке Форд построил свою первую, еще примитивную мастерскую по производству автомобилей в городе Детройте. В 1901 году во всем мире было уже 10 тыс. автомашин, а к 1914 году число

их приблизилось к миллиону. А двигатели кораблей! Всего 3 % мирового морского флота к Первой мировой войне было переведено на дизельное топливо, а к 1937 году – уже 50 %.

Можно с точностью до месяца высчитать, когда (еще в Первую мировую войну) Рокфеллер разглядел новые возможности роста для нефтяной промышленности. В 1915 году он еще боялся, что война подорвет «Стандард», постепенно приобретающую международные масштабы. В 1915 году он снова просчитался, отклонив участие в американском военном займе в пользу англо-французского союза. А вот крупный банкир Морган, который сотрудничал с Рокфеллером, намного раньше заметил открывающиеся для него возможности и уже на первый военный заем подписался щедро – на несколько сот миллионов долларов. Рокфеллер и его «Стандард ойл» только в 1917 году пробудились от спячки и во время второго американского займа тоже вступили в игру, «сходив с туза» в 70 млн долл. В конце 1917 года, когда уже не только германская армия, но и французы стали испытывать трудности с нефтью, премьер-министр Франции Клемансо обратился к тогдашнему президенту Вильсону за помощью.

В этом обращении прозвучали оказавшиеся пророческими слова: «В последующих битвах керосин будет так же важен (для войны), как кровь». «Стандард ойл», которая умела извлекать пользу из любых видов жидкости, в последние 18 месяцев войны поставила Европе почти 15 млн т нефти. В то время были опубликованы материалы о прибылях только фирмы «Стандард ойл оф Нью-Джерси». За 18 месяцев ее прибыль составила 200 млн долл. В этой сумме не значится, разумеется, прибыль, полученная дочерними предприятиями «Стандард», ставшими после раздела номинально самостоятельными, которая, естественно, тоже перекечевывала в карманы клана Рокфеллеров.

После Первой мировой войны ускорился рост «Стандард» в международных масштабах, хотя теперь чаще из добычи приходилось что-то уступать и своему главному конкуренту – компании «Ройял датч – Шелл». (Так, например, когда в 1921 году венесуэльский диктатор Гомес принялся разбазаривать нефтяные сокровища страны, одно из дочерних предприятий Рокфеллера «Стандард ойл оф Индиана» отправило делегацию к диктатору. Та сидела в приемной президента Венесуэлы, а Джеймс Ротшильд тем временем по поручению компании «Шелл» торговался с диктатором относительно цены нефтяных сокровищ.)

Подобный же, но значительно более сложный пример раздела нефтяных богатств имел место между двумя мировыми войнами на Ближнем Востоке. Здесь в отдельных странах – от Ирана до Саудовской Аравии – концерн «Стандард ойл» делил со своими союзниками нефтяные богатства в зависимости от того, как велико было военное или политическое влияние Англии или Франции в конкретной стране и насколько это могло помешать аппетиту Рокфеллера. Перед Второй мировой войной в этом ареале англичане были более сильными хозяевами, а значит, и доля «Стандард» была, соответственно, скромнее. Из ближневосточной нефти на его долю приходились «лишь» 15 %, однако эти 15 % включали в себя и нефтяные залежи крупнейшего поставщика нефти – Саудовской Аравии. Открытие саудовской нефти было вторым по значению после распада Британской империи событием в конце Второй мировой войны, приведшим к созданию американской нефтяной империи на Ближнем Востоке. Ибн-Сауд, отец нынешнего короля Саудовской Аравии, в 30-е годы продал Рокфеллерам за 247 тыс. долл. первый регион нефтяных залежей страны. За время, прошедшее с тех пор, династия Рокфеллеров получала с этих нефтяных месторождений в среднем 500 % прибыли на вложенный капитал в год.

Сама династия, разумеется, старела, и старый хищник Джон Д. Рокфеллер-старший не дожил до начала Второй мировой войны. За несколько лет до его смерти ведение дел династии перешло к его сыну – Джону Д. Рокфеллеру II.

Коммерческие приемы, которые в дальнейшем применяли преемники, в любом случае были достойны основателя. После начала Второй мировой войны выяснилось, что у «Стан-

дард ойл» были свои филиалы и пакеты акций почти во всех областях немецкой военной промышленности. Так, например, у «Стандард ойл» было тайное картельное соглашение с трестом «ИГ Фарбен», сыгравшим столь важную роль в захватнических войнах Гитлера. По этому соглашению «Стандард» ушла с германского рынка искусственного каучука и бензина, а трест «ИГ Фарбен» обязался не появляться со своей продукцией на американских рынках. Когда после Второй мировой войны американский сенат назначил по этому делу расследование, один из директоров «Стандард ойл» заявил перед сенатской комиссией: «... В октябре 1939 года, то есть через месяц после начала Второй мировой войны, я встретился с представителем „ИГ Фарбен“ на голландской территории... Мы сделали все, чтобы найти решение вопроса, которое помогло бы нам без урона пройти через военные годы, независимо от того, вступят ли Соединенные Штаты в войну или нет». На практике это означало, что концерн «ИГ Фарбен» и в годы войны получал прибыли от нефтяных продуктов, изготовленных по американским патентам. Точно таким же образом и «Стандард ойл» загребала за свои патенты от «ИГ Фарбен» высокие прибыли, например за авиационный бензин, изготовлявшийся немцами все годы войны по специальной технологии очистки нефти. Эти суммы переводились членами картеля друг другу через Южную Америку. Более того, в начальном периоде войны «Стандард ойл», также через Южную Америку, поставляла для воздушных армий Геринга первоклассный авиационный бензин.

Понятно, что Рокфеллеры приложили руку к отбору членов нюрнбергского суда: ведь им нужно было следить за тем, чтобы их соглашение с нацистским трестом не всплыло на поверхность. Человек по имени Говард Петерсон, руководящий чиновник американского военного министерства, назначавший американских судей на Нюрнбергский процесс, до службы в армии был одним из адвокатов фирмы «Стандард ойл» и, как таковой, вел дела «Стандард ойл» с «ИГ Фарбен». Его начальник Форрестол (тот самый, который позднее сошел с ума и покончил жизнь самоубийством), прежде чем стал министром обороны США, был одним из руководителей «Банкирского дома Диллон – Рид», принадлежавшего также концерну Рокфеллеров. Решающую роль сыграла династия Рокфеллеров в открытии эры «холодной войны». Нельзя считать случайным, что в самые критические годы, то есть с конца 1947 года, Джон Макклой, бывший юрисконсульт крупнейшего рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттен», стал американским верховным военным комиссаром в Германии, полновластным диктатором американской оккупационной зоны.

Устрашающая своим могуществом династия Рокфеллеров и особенно ее основатель, сын торговца лошадьми и разъездного аптекаря, занимали мысли не только исследователей экономики, но и психиатров, и психологов. Джон Д. Рокфеллер, мягко говоря, был странным человеком, скорее всего, одним из величайших лжесвятых, каких только носила на себе земля.

Он был твердо убежден – или по крайней мере делал вид, будто это его твердое убеждение, – что свое богатство он получил от всевышнего, и всякий, кто попытается это богатство у него отнять, – грешник и безбожник. Когда американские законодательные органы вначале взялись расследовать дела монополии «Стандард ойл», Джон Д. Рокфеллер сделал такое заявление: «Господь бог дал мне деньги, а я по его поручению управляю имуществом других и потому считаю своим долгом перед богом и человечеством, чтобы каждый цент, который я вкладываю в свои предприятия, и в дальнейшем служил интересам общества и его благоденствию».

После успешного периода великого стяжательства и накопления богатств конкуренты засыпали его полными обиды обвинениями, но он уполномочил священника самой большой в Нью-Йорке баптистской церкви заявить: «„Стандард ойл“, собственно говоря, – ангел милосердия, который навещает людей и дает им совет: „Спасайтесь, как в Ноевом ковчеге,

сносите на него все свое добро, а мы принимаем на себя всю ответственность за сохранность вашего добра“».

Такое поведение характерно для династии на протяжении всей ее истории. Несколько лет назад сотрудник американского еженедельника «Тайм» в роскошном кабинете президента банка «Чейз Манхэттен» взял интервью у Дэвида Рокфеллера, одного из внуков основателя династии. И вот что тот сказал о своем дедушке, а заодно и об отце, Джоне Д. Рокфеллере-младшем:

«Отец и дедушка никогда не разрешали нам считать, что у нас неограниченное количество денег. Они говорили: деньги принадлежат богу, а мы только управляем ими».

В доказательство своих слов он привел такой пример: в семь лет, когда он хотел купить себе каких-нибудь сладостей, он должен был прежде в течение шести часов сгребать листья в саду в отцовском имении. За эту работу ему платили два доллара. Если ему поручали полоть сорняки, за каждый выдернутый сорняк он получал один цент. На карманные расходы он получал 25 центов в неделю. О том, на что он их истратил, Дэвид должен был делать запись в бухгалтерской книге, которую отец проверял каждую неделю. За неточности в записях полагался штраф в 10 центов.

Нетрудно разглядеть сущность этой позы. Как писал Юнг, коллега австрийского психолога Фрейда, Дж. Д. Рокфеллер – абсолютный эгоцентрист, который судит обо всем в мире через призму собственного «Я». И в такой степени, что считает попросту злодеями всех, чьи интересы противоречат его собственным. Истинным разоблачителем этой позы явилось само финансовое могущество, которое династия никогда не выпускала из своих рук. И, разумеется, стиль их жизни. В Америке, например, Рокфеллеры приобрели огромное поместье в 5 тыс. га, на территории которого для каждого из членов династии был выстроен свой дворец. Поместье это (оно называется Кайквит) в районе холмов Покантико, неподалеку от Нью-Йорка, существует и по сей день. Высокие стены, железные ворота, вооруженная охрана и дрессированные овчарки охраняют имение от непрошенных гостей. Главное здание поместья – гранитный дворец в 50 комнат в стиле короля Георга, который при его возведении в тридцатые годы обошелся в 2 млн долл. Впрочем, ныне в нем уже никто не живет.

У каждого из Рокфеллеров свои собственные замки на этой общей территории. И, разумеется, еще несчетное количество других резиденций: у Нельсона Рокфеллера – огромное имение в Венесуэле, у Лоренса – плантация на Гавайских островах, у Уинтропа – в Арканзасе. И это не считая дюжины роскошных люкс-квартир по всему миру – от Багамских островов до Ривьеры и от Лондона до Рима.

В настоящее время богатствами династии Рокфеллеров правит третье поколение, если начало ее считать не от разъездного аптекаря и барышника, а от ее истинного основателя и собирателя великого богатства, символа «абсолютного эгоизма» – от Джона Д. Рокфеллера-старшего.

У его сына – Джона Дэвида – было пять сыновей и одна дочь, наделенные правом распоряжаться имуществом, хотя формально помимо них оно находится в ведении различных фондов и благотворительных учреждений. (Этот последний способ «разделения власти» хорош для того, чтобы утаить десятки миллионов от обложения налогами. Ведь благотворительные учреждения, к примеру, от налогов освобождаются. А налогов с наследства Рокфеллеры вообще не платят: по семейной традиции, все члены династии заблаговременно, еще до смерти, дарят свое имущество наследникам и, таким образом, формально умирают почти нищими. Налоги с договоров дарения значительно ниже налогов с наследства.)

В результате этого приема имущество династии все больше распространяется в ширину, поделенное между постоянно увеличивающимся числом наследников, затерянное в джунглях всевозможных фондов, а юридический контроль всего богатства династии становится все сложнее. И все больше кажется, что «империя Рокфеллеров» и управление ею ста-

новятся как бы обезличенными. Самая крупная нефтяная компания Рокфеллеров «Стандард ойл оф Нью-Джерси» тем временем была переименована в «Экссон». Три тысячи менеджеров руководят ее повседневной деятельностью. Их постоянно ищут и отбирают в университетах люди из специальных отделов. Затем сотрудники этих отделов тщательно и заботливо следят за учебой и ростом отобранных молодых людей в течение всего периода их обучения.

Практически и теоретически для каждого из них открыт путь до самых вершин руководства фирмы «Экссон», до совета пяти директоров, исполнительного комитета фирмы. Экономические планы фирмы обезличены. Правда, каждый год фирма «Экссон» выпускает так называемую «Зеленую книгу» о перспективах развития нефтяной промышленности, но и на ней имя автора не обозначено. Точно так же дело обстоит и в трех других американских нефтяных монополиях (СОКАЛ, «Галф ойл» и «Мобил»), за которыми на самом деле скрываются созданные еще старым Рокфеллером филиалы «Стандард ойл». Так что в союзе так называемых «Семи сестер», крупнейших нефтяных монополий мира, самая «рослая», старшая, и три ее младшие сестры до сих пор составляют собственность Рокфеллеров.

Словом, и современные формы управления наднациональными монополиями не могут скрыть того факта, что вожжи упряжки находятся в очень крепких руках. Один из известных исследователей крупных американских состояний Фердинанд Ландберг в книге «Богачи и сверхбогачи» так пишет об этом: «Ныне Рокфеллеры кажутся только „тихими компаньонами“ в империи „Стандард ойл“. Но стоит появиться какой-то проблеме, для решения которой нужно проявить истинную власть, как тотчас же такая возможность осуществляется. И об этом знает каждый из генеральных директоров „Стандард ойл“ во всем мире – от Саудовской Аравии до Венесуэлы».

И легко доказать справедливость этой фразы, назвав совершенно конкретные личности. На вершине пирамиды отлично разработана система разделения труда, которая после смерти Джона Рокфеллера-младшего выглядит следующим образом.

Джон Рокфеллер III руководит фондами и благотворительными учреждениями, которые приобрели необыкновенное значение как с точки зрения политической, так и с точки зрения исчисления налогов.

Дэвид Рокфеллер сделался коммерческим директором династии. В его руках находится «Чейз Манхэттен бэнк», который до сих пор играет решающую роль в управлении финансами не только предприятий Рокфеллеров, но и других нефтяных монополий, относящихся к группе «Семи сестер» (таких, например, как «Шелл» или «Бритиш петролеум»). Ландсберг, цитируя одного из генеральных директоров «Стандард ойл», так рассказывает об уровне деловых контактов Дэвида Рокфеллера: «Сколько раз я посещал Дэвида в поместье Покан-тико, у него всегда был кто-нибудь из премьер-министров, королей или императоров, которые мешали мне попасть к Дэвиду. Он то и дело совещался с высшими руководителями иностранных государств и разными политиками, независимо от их партийной принадлежности, направлявшими американскую политику. Это уже мир не просто высшего бизнеса, а сверхбизнеса, где исчезает водораздел между практически имеющим власть правительством и верхушкой деловых кругов».

Третий из братьев, Лоренс, наделен правом принимать решения относительно новых капиталовложений династии Рокфеллеров.

Четвертый брат, Нельсон Рокфеллер, – их «представитель на виду», достигший вершин американской политики. На этом пункте есть смысл немного остановиться. Личность Нельсона Рокфеллера позволяет нам получить представление о той роли, которую играют потомки Рокфеллера и их избранные в фактическом политическом руководстве крупнейшей капиталистической державой мира. Нельсон Рокфеллер умер весной 1979 года в возрасте 70 лет, за свою жизнь он четыре раза избирался на пост губернатора штата Нью-Йорк. Во время пребывания Форда на посту президента США он был вице-президентом, дважды

выставлял свою кандидатуру на пост президента. (И оба раза проиграл. Нельсон Рокфеллер был кандидатом левого крыла республиканской партии, которое представляет старинную финансовую олигархию Восточного побережья Америки, и потому более либерален по сравнению с «новыми богачами», недавно выбившимися в высшие круги. Основная когорта республиканцев, например Никсон, ненавидела Нельсона Рокфеллера. Кроме того, коллеги Рокфеллера по партии, вероятно, опасались, что избиратели не захотят отдать свои голоса за человека с фамилией Рокфеллер.)

Официальные посты, которые Нельсон Рокфеллер занимал на вершине американской политики, были почетными, но не особенно значительными. Они не отражали действительного политического влияния, которое на самом деле имел Нельсон Рокфеллер и представляемый им клан. Чтобы понять это, познакомимся с несколькими эпизодами из жизни клана. Отслужив в качестве «подмастерья» в директорском кабинете семейного банка «Чейз Манхэттен», Нельсон Рокфеллер в качестве государственного секретаря в 1940 году вошел в правительство президента Рузвельта. Он же выработывал после Второй мировой войны основы американской политики в Латинской Америке. А в 1952 году его на первый срок избрали губернатором штата Нью-Йорк. Начиная с этого времени он считался одним из руководителей республиканской партии. Независимо от постов, которые он в это время занимал, в действительности он определял в американской внешней политике кандидатуры одного за другим двух государственных секретарей Соединенных Штатов Америки – в очень ответственный период формирования внешней политики страны! Одним из них был Дин Риск, в период вьетнамской войны руководивший госдепартаментом США, а перед этим в течение восьми лет – президент «Фонда Рокфеллера». На пост государственного секретаря он был назначен по личной рекомендации Нельсона Рокфеллера. Другой – Киссинджер, который до того, как занять пост государственного секретаря, служил в администрации Никсона советником по национальной безопасности. Позднее он стал госсекретарем и практически единолично руководил (особенно в период скандалов, разразившихся вокруг самого Никсона) внешней политикой Соединенных Штатов. Киссинджер был в буквальном смысле этого слова человеком Нельсона Рокфеллера. К моменту, когда его «выдвинули» в администрацию, он занимал должность профессора в Гарвардском университете. Сначала он стал политическим советником Нельсона Рокфеллера. Сам Киссинджер признавал: «Личностью, которая оказала наибольшее влияние на мою жизнь, был Нельсон Рокфеллер».

Когда президентом был избран Никсон, Рокфеллеры стали придавать очень большое значение тому, чтобы поставить на ключевую позицию своего человека, поскольку и сам Никсон, и его окружение не были им симпатичны. Но само собой произошло так, что в один прекрасный день, когда Киссинджер обедал с Нельсоном Рокфеллером, ему позвонил Никсон и попросил профессора на следующий день прибыть в Вашингтон. Президент предлагал ему в своей администрации пост советника по вопросам национальной безопасности. Разумеется, Киссинджер был видным политическим мыслителем с большой широтой политических взглядов. Если бы Никсон не ценил этого его таланта, он не пригласил бы его к себе в советники. И все же, когда Киссинджер из Вашингтона возвратился в Нью-Йорк, он тотчас поспешил к Нельсону Рокфеллеру и в конце концов только с его одобрения принял предложенный ему президентом пост. Не будет преувеличением сказать, что Киссинджер и стал тем доверенным человеком Нельсона Рокфеллера, который был нужен всей их династии на вершинах государственной власти США.

Однако поучительная история этим не заканчивается. За падением Никсона последовало короткое пребывание на посту президента Дж. Форда, а затем республиканская партия утратила власть, и к ней пришла администрация демократической партии во главе с Дж. Картером. Эта администрация была более воинственной, действовала «с позиции силы» и про-

водила явно выраженную политику американского военного превосходства. Однако «серым кардиналом» и этого кабинета был ставленник клана Рокфеллера – Збигнев Бжезинский.

В 1973 году Дэвид Рокфеллер, по поручению клана руководивший «Чейз Манхэттен бэнк», договорился с братом Нельсоном Рокфеллером о создании так называемой «трехсторонней комиссии». (Важнейшей задачей этой комиссии была организация сотрудничества Соединенных Штатов, Японии и Западной Европы и координация действий против Советского Союза.)

Итак, Нельсон Рокфеллер пригласил Киссинджера перейти на политическую работу из Гарвардского университета. Нельсон и Дэвид совместно разыскали в Колумбийском университете и Бжезинского, который стал секретарем «трехсторонней комиссии». Здесь-то, в комиссии, созданной Рокфеллерами, Бжезинский встретился с будущим президентом Картером и Гарольдом Брауном, который позднее, уже в администрации Картера, стал министром обороны.

Вот она, хваленая «надпартийность» сверхкапитала: Киссинджер стал советником по национальной безопасности, а затем государственным секретарем в администрации республиканской партии, Бжезинский – советником по национальной безопасности в администрации демократической партии. По своим политическим взглядам на многие частные вопросы они отличались друг от друга, и в немалой степени. К тому же и не очень жаловали один другого. Однако у них была и общая черта. И она – решающая: оба они работали на династию Рокфеллеров.

Администрации приходят и уходят. Американская политика меняет свой облик в зависимости от стратегической обстановки и от того, как сложатся финансовые интересы капитализма. Меняются и сами Рокфеллеры в зависимости от того, чего требуют от них обстановка и интересы в данный момент. Но какую бы форму ни принимали их сиюминутные запросы, какого бы стиля в работе они ни придерживались, финансовые интересы династии во все времена и повсюду оказываются превыше всего. Может быть, именно поэтому Ландберг в своей книге о «сверхбогачах», на десяти страницах мелким шрифтом сообщив читателю бесконечный перечень фирм, входящих в сферу интересов Рокфеллеров, заканчивает скучную статистику таким унылым замечанием: «Мир – это огромная плантация Рокфеллеров».

Крупп – пушки империи

Чума в городе Эссене. – Пушечный ствол и колесо железнодорожного вагона. – Вилла «Хюггель». – Берта и ее Густав. – Родина капитала. – Великое ограбление. – Рабы с красным вином. – На новых рельсах

В годы сокрушительного кризиса, постигшего фирму Круппа в 1966 году, один из руководителей концерна Бертольд Байц с огорчением сказал кому-то из западногерманских журналистов: «Сейчас, когда река высохла, мы наконец можем увидеть, что лежит на дне ее русла: немножко золота и множество пустых бутылок».

Конечно, золота было не так уж мало. К моменту кризиса, постигшего концерн, глава династии Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах все еще был самым богатым человеком в Европе, а «империя Круппов», с ее более чем сотней предприятий, – крупнейшим (из находившихся в одних руках) промышленным предприятием. По крайней мере до сего дня таково было мнение историков мировой экономики. Бухгалтерские книги этого семейного треста были на протяжении более чем столетия сокрыты от контролирующих органов, а истинные бухгалтерские отчеты вообще никогда не публиковались, и потому ныне трудно отделить легенду от действительности.

Но в наши дни многое изменилось. Прежде всего отказался от завещанного ему наследства «последний из Круппов» – Арндт. В этом молодом человеке не было уже ничего «стального». Свободное время он охотнее всего проводил перед зеркалом своего будуара у гримировального столика. Набору его косметики позавидовала бы не одна голливудская кинозвезда. Часами он один за другим примерял перед зеркалом парики и время от времени демонстрировал перед стройными молодыми людьми самые новые, на заказ сшитые в Марокко кафтаны.

Арндт Крупп фон Болен унд Гальбах уже вследствие упоминавшегося кризиса «крупповской империи» 1966 года был вынужден отказаться от права единолично управлять фантастически огромными богатствами. В ночь на 16 сентября в доме Бертольда Байца состоялся разговор, точного содержания которого до сих пор не знает никто. Отец Арндта тогда был уже смертельно болен. Поэтому произвести неприятную операцию с имуществом Круппов уполномочили Байца. Западногерманские крупные банки были согласны открыть дверцы своих сейфов для оказания помощи очутившемуся в трудном экономическом положении концерну, но с условием, что «крупповская империя» будет преобразована в предприятие современной формы – акционерное общество. Для этого нужна была подпись Арндта Круппа. Это «отречение наследника от престола», разумеется, отнюдь не означало для него бедность и нищету. Последний Крупп получал в год за вычетом налогов содержание от фирмы в 2 млн западногерманских марок. К этому нужно еще прибавить частные владения, унаследованные им от отца, стоимость которых определялась в 1 млрд марок. И потомок Круппа уже в первый, 1967 год истратил вдвое больше, чем определенное ему содержание, то есть 4 млн марок. Конечно, велики были расходы на содержание дворца в Блюнбахе (72 комнаты, 70 человек прислуги), самого крупного помещичьего имения в Австрии. Дорого обходились ему и вилла в Марокко, в оазисе вблизи Марракеша, и дворец в Мюнхене, стены которого украшали полотна Рубенса и Ван Дейка, и люкс-яхта «Антоний II», и целая армада автомобилей с флагманом в виде «роллс-ройса», все заднее сидение которого занимал встроенный трон.

Последний Крупп был не одинок среди тех, кто, мягко говоря, удивлял свое окружение несколькими странными обычаями. Да и вообще в атмосфере семейства Круппов уже давно чувствовался запах тлена. Однако до поры до времени дым сталелитейных заводов,

копоть шахт и тяжелый дух расплавленного металла заглушали зловоние, исходившее от приватной жизни династии.

Интересно, что первый Крупп, который в 1587 году прибыл в город Эссен, тоже звался Арндтом Круппом. Историки династии и по сей день не едины в вопросе, откуда пошла эта фамилия. По одной версии, Круппы происходят из Голландии, и за сто лет до их появления в Эссене их фамилия была Кроппен или Кроп. Правда, упомянутый выше Арндт Крупп в 1587 году записал свою фамилию в городские акты собственноручно. Но почерк у него был настолько примитивным, что немецкие историки на протяжении многих поколений спорили, как ее прочесть: Крупп, Крупе, Крип или Крипе.

Но если Арндт и не умел как следует писать, дельцом он оказался умелым и хватким. Тогдашний Эссен, как и другие города Европы, регулярно опустошали эпидемии. Через 12 лет после того, как Арндт Крупп поселился в городе в торговом доме на Соляной площади, город совершенно обезлюдел после очередной эпидемии чумы. Эссен охватила паника, смешивались стоны больных и вопли пьянствующих. Люди продавали за бесценок дома и земли первому встречному или бросали их.

Арндт Крупп не стонал и не веселился во хмелю, а скупал. Скупал сады и пастбища. Скупал – и не за понюшку табака – в местностях, что лежали вокруг высоких стен маленького тогда городка Эссен. Скупал такие поля, которым позднее не было цены, и потом, на протяжении четырех веков, они оставались исключительно во владении династии Круппов. Немного погодя Арндт Крупп вступил в цех кузнецов, однако кузницу строить не стал. Поначалу был торговцем, потом отдавал предпочтение земле, скупке наделов.

Сын Арндта – Антон Крупп в 1612 году за восемь лет до начала так называемой Тридцатилетней войны, охватившей всю Германию и залившей кровью все немецкие земли, женился на девушке по имени Гертруда Крёзен, отец которой был владельцем оружейной мастерской, одной из 24, имевшихся в то время в Эссене. Этот Антон и был первым Круппом-оружейником. Он продавал ежегодно по тысяче орудийных стволов, и в 1641 году в протоколе заседаний городского совета он упоминается, как «всеми уважаемый горожанин, благородный по рождению господин Антон Крупп». Из этого можно, конечно же, сделать вывод, что литье орудийных стволов у Круппа получалось неплохо. Начиная с того времени Круппы относятся уже к числу богатейших граждан Эссена.

Американец Уильям Манчестер, автор новейшей и, может быть, самой пространной истории семейства Круппов, так говорит об этом: «Итак, имелся Крупп, который за три столетия до Вердена и Сталинграда уже продавал пушки».

После Тридцатилетней войны в бизнесе Антона Круппа наступил длительный «мирный» период. Богатеющие Круппы занимались всякого рода делами: держали бакалейную торговлю и торговали мясом, красками и одеждой. И только некая Елена Амалия Крупп в 1800 году снова вернулась к первоначальному ремеслу клана, открыв кузницу и торговлю углем и сталью. Севернее Эссена за 12 тыс. талеров она купила сталелитейную мастерскую. Мастерская имела собственное имя – «Гутехофнунгсхютте» («Домна доброй надежды») и стала в дальнейшем самым гордым бастионом «империи Круппов». Сначала мастерская выпускала чугуны и сковородки, а затем по заказу Пруссии стала отливать орудийные ядра. Через семь лет после покупки мастерской госпожа Елена Амалия доверила ведение дела своему 19-летнему внуку Фридриху Круппу. Из 11 известных до сих пор поколений Круппов он относился к седьмому поколению, и до сих пор его имя («Фрид. Крупп», Эссен) украшает фронтоны крупповских заводов по всему свету.

Семейная легенда, не скупясь, наделила этого Фридриха Круппа удивительнейшими достоинствами, превратив его в человека, в котором «талант сочетался с энергией». Действительно, энергии Фридриху Круппу было не занимать, и он с великим упорством искал все новые и новые методы литья железа и стали. Но как предприниматель он не был очень

удачлив. В это время над Европой простерла крылья зловещая тень Наполеона, и Фридрих Крупп со дня смерти своей бабушки все время раздумывал: сотрудничать ему с французами или нет? Наконец он решил этот вопрос в пользу сотрудничества, но решил именно тогда, когда огромная армия Наполеона отправилась в поход, где вскоре и сгинула почти вся на бескрайних русских равнинах. А Фридрих Крупп в это время рыл траншеи под стенами Эссена против пруссаков, которые, преследуя остатки наполеоновского войска, приближались к окраинам города!

Понятно, что после крушения Наполеона Фридрих Крупп не мог оставаться в городе. Да и бизнес его никак не хотел налаживаться. Сначала потому, что после сокрушительного низвержения императора на континенте вновь появилась английская сталь. Мастерская Фридриха Круппа, которая официально именовалась «сталелитейной фабрикой», на самом деле была едва ли больше обычной деревенской кузницы. В 1824 году Фридрих Крупп вынужден был продать даже свой городской дом, в котором его семья жила уже больше 200 лет. Неподалеку от мастерской он построил себе другой, намного меньше и проще. Этот дом простоял у самых стен выросшего огромного сталелитейного завода до 1944 года, когда бомбы Второй мировой войны уничтожили его. (Вновь возрождающаяся «империя Круппа» построила точную копию того же самого домика, чтобы воскресить старую легенду.)

Однако действительность такова, что когда в 39 лет Фридрих Крупп умер на набитом соломой тюфяке, это был всего лишь потерпевший крах тщеславный провинциальный кузнец. 8 октября 1826 года, возвратившись с похорон отца, новый глава большого семейства, старший из сыновей Альфред Крупп «подвел итог». Он был довольно печальным. Новый глава семьи – 14-летний мальчишка – получил в наследство небольшую мастерскую с семью рабочими, дом ценою около 700 талеров, корову и несколько свиней.

Альфред Крупп оказался фанатиком сталелитейного производства, но в первые годы казалось, что и его точно так же, как и отца, ждет крах. Когда ему исполнилось двадцать лет, в мастерской работало уже только пять рабочих. Ценой преодоления немыслимых трудностей он доставал нужное количество заказов, чтобы хоть как-то удержаться на поверхности, не пойти ко дну.

Перелом принесло изобретение. Альфред Крупп на своем маленьком заводике начал делать новый сплав стали, который легче поддавался сварке, был более легким и более упругим. В 1834 году, объехав многие крупные немецкие города с образцами этой стали, Альфред возвратился с десятком заказов. Год спустя на заводе уже работали 30 рабочих, а еще год спустя – 60.

Но все же своим расцветом его сталелитейное производство обязано не гениальности Альфреда, как на протяжении многих поколений твердили придворные историки династии. Конечно, крупповская сталь, что варили на маленьком заводе, была отличная, и все же она не могла превзойти по качеству английскую сталь. Поток заказов Круппу вызван другим обстоятельством – таможенной унией немецких государств. Эту унию поддерживала изо всех сил Пруссия, которая была предвестником и предтечей экономики единой Германской империи. Немецкая таможенная уния и создавала те экономические предпосылки, благодаря которым немецкий металл мог успешно конкурировать с английской импортной сталью.

Опираясь на эту новую таможенную политику, Альфред Крупп объехал всю Европу, заключая договоры, – от Варшавы до Праги и от Парижа до Брюсселя. В столице Франции он навестил даже Джеймса Ротшильда, мечтая добиться поддержки этого финансового магната, чтобы на французских монетных дворах использовали крупповские стальные штампы и инструменты.

И по сей день неясно, почему Альфред Крупп снова возвратился к производству оружия. Фактом остается только, что в мастерских Круппа еще в 1836 году впервые начали экс-

периментировать с производством оружейных стволов. Эксперименты эти длились вплоть до 1843 года, когда был изготовлен первый стальной оружейный ствол.

Семейные историки не очень распространяются о том, что Альфред пытался прежде всего продать свои стальные оружейные стволы англичанам. В письме, направленном английскому правительству, он ссылаясь на то, что в сравнении с принятыми в то время бронзовыми и чугунными оружейными стволами его продукция – несравненно лучше. Однако англичане прислали только вежливый отказ. Да и прусское военное министерство не проявило большого понимания.

Альфред Крупп много лет кряду бомбардировал своими письмами чинуш из берлинского военного министерства, пока наконец в 1844 году все же не получил первый заказ. Однако оружейный ствол он смог поставить только через три года, в 1847 году. Когда этот ствол прибыл в арсенал Шпандау, еще никто и подумать не мог, что это поворотный момент в военной истории. Это была первая крупповская пушка, поставленная Пруссии.

В арсенале оружейный ствол Альфреда Круппа тоже пылился еще целых два года. Только в 1849 году его опробовали. Опробовали и написали в Эссен эдакий неопределенный ответ. Чинуши сообщали, что орудие они признают неплохим, но оно намного дороже бронзовых и чугунных пушек и потому не может с ними соревноваться. В письме, отправленном позднее одному из друзей, Альфред Крупп писал: «Начальник берлинского арсенала откровенно сказал мне, что он слышать не хочет о стальных пушках, поскольку Веллингтон побил Наполеона при Ватерлоо бронзовыми орудиями».

Альфред Крупп после этого снова обратился к англичанам. На выставке, состоявшейся в лондонском «Хрустальном дворце» в 1851 году, он продемонстрировал пушку со стальным стволом. Орудие вызвало сенсацию, однако продать он его не смог. И еще несколько раз предлагал он свою новинку английскому, французскому и русскому правительствам, но она никому не была нужна. Единственный человек, кто заинтересовался стальным орудием, был герцог Вильгельм из дома Гогенцоллернов, позднее ставший императором Германии Вильгельмом I. Вскоре он посетил оружейную мастерскую в Эссене и приколотил на грудь Альфреда орден Прусского красного ордена четвертой степени.

Однако в то время Вильгельм еще не числился среди могущественных монархов Европы, а государи, обладавшие действительным могуществом, по-прежнему отмахивались от предложений Круппа. Артиллерийские эксперты русского царя Александра II испытали присланные им стальные пушки и с удивлением констатировали, что из них можно произвести в четыре раза больше выстрелов, а они и не собирались лопаться. В знак признания достоинств пушки ее поместили в артиллерийский музей Петропавловской крепости, но продолжали и дальше использовать старые орудия.

Злая ирония истории состояла в том, что Наполеон III, власть которого позднее пала под залпами крупповской артиллерии, чуть было не купил 300 крупповских орудий накануне войны с Пруссией и отступился от этого заказа только под давлением французских оружейников из семейства Шнейдеров. Он дал себя уговорить, будто его патриотический долг – поддержать продукцию завода Шнейдера, расположенного в маленьком городке Ле-Крезо.

А заводы Круппа постепенно росли. В 1857 году на них уже работала тысяча человек. Сталь Круппа начинали признавать по всей Европе. И все же настоящие успехи фирмы и быстрое продвижение по пути к богатству и власти еще были впереди. В этот период товаром, приносившим наибольшую прибыль Круппу, было еще не оружие, а вагонные колеса. Железная дорога – один из символов промышленной революции XIX века, и Альфред Крупп был в числе первых, кто научился делать без сварки обода колеса для железнодорожных вагонов. Именно тогда крупповские заводы взяли эмблемой своей фирмы три сплетенных кольца, три вагонных колеса. И по сей день эти три круга – торговый знак запатентованной продукции Круппа.

Пушки начали превалировать над вагонными колесами, когда Вильгельм Гогенцоллерн, приверженец орудий со стальными стволами, осенью 1859 года сделался королем Пруссии Вильгельмом I. Крупп немедленно получил заказ на изготовление для него 312 стальных пушек, а прусское военное министерство без промедления перевело ему половину закупочной стоимости – 100 тыс. талеров. С этого дня Крупп прикрывается прусским знаменем, а новый государь в письме, направленном Альфреду Круппу, превозносит до небес патриотизм его династии, отмечая, «что династия последовательно отказывалась от заграничных заказов на артиллерийские орудия». (И это – после того, как Альфред Крупп десятилетиями тщетно набивался со своими пушками ко всем государям Европы – от русского царя до Наполеона III.)

Поза Круппа-патриота выглядит странной еще и потому, что возникшая с помощью прусских заказов благоприятная конъюнктура для Круппа одновременно означала, что его заводы получили огромные заказы и из-за границы. Именно в это время самым большим заказчиком Круппа явилась царская Россия. В 1863 году генералы Александра II направили в Эссен заказ стоимостью в 1 млн талеров, то есть в пять раз больший, чем прусский король Вильгельм! Свое название «пушечные короли» династия Круппов получила именно за эти царские заказы. В это время одна берлинская газета напечатала статью о миллионном русском бизнесе, в которой Круппа впервые назвали «пушечным королем».

На успех не повлияло даже то, что «пушечный король» Альфред время от времени вел себя несколько странно. Еще его отец Фридрих страдал приступами депрессии. В такие минуты он днями лежал в постели, отвернувшись лицом к стене, ни с кем не говоря. Альфред, создавая свою оружейную империю, страдал бессонницей и манией преследования. В течение всей жизни он сделал около 50 тыс. записей – чаще всего на маленьких листочках бумаги. Большая часть этих заметок посвящена вопросам личной безопасности. (Так, например: «Я думаю, нужно нанять второго часового, который будет контролировать нынешнего первого часового, а может быть, еще и третьего, чтобы тот присматривал за вторым».)

Эссенский замок, принадлежавший династии, стоит и поныне и несет на себе следы поведения больного Круппа. Название его – вилла «Хюгель» (вилла «на холме»). Вилла «Хюгель» сыграла довольно мрачную роль в истории Германии. Проектировали ее пять лет. Потом десять лет строили. Поскольку Альфред Крупп страдал не только манией преследования, но и боязнью пожара, строителям виллы пришлось решать очень сложные инженерные задачи. Здание (которое архитекторы уже тогда называли «смесью центрального вокзала и уездного суда») пришлось построить таким образом, чтобы при его возведении совершенно не применялось дерево – при уровне техники тех времен дело нелегкое. Разумеется, не могло быть речи и о том, чтобы в стенах провели газовые трубы, поскольку газ взрывоопасен. Газовые фонари тоже не нужны были Альфреду Круппу, потому что свои заметки он делал в полной темноте (он умел писать в темноте так же хорошо, как при дневном свете). В целях противопожарной безопасности кабинет Альфреда Круппа от внешнего мира защищали три железные двери. Боялся «пушечный король» не только огня, но и сквозняков, и потому распорядился, чтобы ни одно окно в новом здании виллы «Хюгель» вообще не открывалось. Вентиляция осуществлялась по специальным вентиляционным каналам, что одновременно гарантировало Альфреду Круппу всегда очень важный для него «аромат навоза» в комнатах. Последнее нуждается в некоторых пояснениях. Одной из характерных особенностей психики «пушечного короля» было то, что с юношеского возраста он придавал почти волшебное значение различным запахам. Он разделял запахи на благотворные и вредные. И к числу благотворных прежде всего он относил запах свежего конского навоза. В одной из своих заметок он так и пишет, что, когда чувствует этот запах, «он успокаивается и у него рождаются творческие мысли».

На вилле «Хюгель» вопрос с навозом решили, разместив кабинет Альфреда Круппа в непосредственном соседстве с конюшней. Отсюда через спальную комнату в кабинет по вентиляционному каналу «аромат» и поставлялся.

Но если с головой у «пушечного короля» было не все в порядке, то с пушками порядок был полный, и в 1870 году во франко-прусской войне крупповские орудия буквально расстреляли в пух и прах артиллерию Наполеона III. Стальные орудия Круппа стреляли в два раза дальше, чем французские бронзовые, и к тому же быстрее и точнее. Военные специалисты того времени вынуждены были констатировать, что крупповские пушки были величайшим «военным сюрпризом» в франко-прусской кампании.

Победа в войне, разумеется, принесла Круппу гигантский деловой успех. Вся Европа закупала теперь пушки только у Круппа. Турция с помощью орудий Альфреда смогла сохранить за собой Босфор, и даже в далеком Китае самый влиятельный по тем временам феодалный военачальник Ли Хунчжан заказал для своей армии 270 крупповских пушек. Да что там Китай?! Крошечная Андорра и та закупила орудия Круппа, но, увы, так и не смогла применить их, потому что княжество было таким маленьким, что если бы из крупповской пушки выстрелили в одном его конце, снаряд упал бы либо на испанскую, либо на французскую территорию.

Начиная с 1870 года на протяжении полутора десятилетий число рабочих на заводах Круппа увеличивалось каждые три года вдвое. Вполне естественно, что «пушечный король» был самым ярким врагом немецких рабочих. Именно на крупповских заводах в германской промышленности были впервые введены «черные списки», и теперь, если о рабочем становилось известно, что он – член социал-демократической партии, его немедленно выбрасывали с работы. В 1877 году Альфред Крупп произнес перед своими рабочими речь: «Радуйтесь тому, что есть, – сказал он. – Закончили работу, идите домой, проводите время в семейном кругу со своими женами, детьми, престарелыми родителями. Занимайтесь домашними делами. Пусть это будет вашей политикой. И тогда будете счастливыми. Но остерегайтесь рассуждать, бойтесь треволений, ввязанных с обсуждением больших вопросов национальной политики. Это требует много времени и знаний, гораздо больше, чем они имеются у каждого рабочего...».

Немецкие рабочие, разумеется, не вняли крупповскому катехизису и в 1877 году в первый раз направили в германский парламент 12 представителей от социал-демократии. В ответ канцлер Бисмарк провел пресловутый «исключительный закон против социалистов», который ставил социал-демократическую партию вне закона. Как об этом свидетельствуют документы из архива Круппа, Альфред «с восторгом воспринял решение канцлера».

У себя на заводах Крупп тоже издал свой закон против социалистов, потребовав от рабочих железной дисциплины. Свои заметки, посвященные заводу, он начинал обращением: «Дорогой Завод», словно обращался в письме к одному-единственному лицу. В таких посланиях он предписывал, чтобы каждый рабочий крупповских заводов носил на одежде своего рода знаки различия в зависимости от того, как долго он работает на заводе. В других записках он развивал мысль о том, что «именно в низших классах общества растет стремление к роскоши», и потому приказал, чтобы «каждый порядочный родитель обувал своих детей в деревянную обувь». В классных комнатах школ при крупповских заводах, разумеется, не видели необходимости делать полы. Крупп придумал дюжину наказаний, и на его заводах было едва ли не больше надсмотрщиков за рабочими, чем самих рабочих. Всякий, кто хоть на несколько минут намеревался оставить свое рабочее место, должен был об этом сначала испросить разрешения у начальника цеха, даже если рабочему требовалось просто сходить в туалет. Но хотя с заводов прогнали всех членов социал-демократической партии, в одной из пресловутых «записок Альфреда Круппа» мы находим: «Заводская внутриведомственная охрана каждый вечер проверяет все мусорные ящики перед жилищами рабочих:

вдруг кто-то нападет на след запрещенной литературы». Специальный смотритель следил за тем, чтобы листки бумаги, висевшие в туалетах, не оказались запрещенной литературой. Таков был «пушечный король», богатейший человек в Германии, умерший в июле 1887 года за тремя железными дверьми в комнате, наполненной «ароматом» конского навоза.

Сын его – Фридрих Альфред Крупп – считался еще при жизни отца «министром иностранных дел» отцовского завода; он объехал все столицы мира, от Пекина до Сантьяго, и уже в юном возрасте был одним из самых опытных людей в организации производства артиллерийских орудий.

Фридрих Альфред нашел достойного единомышленника в лице нового германского императора. Воинственно настроенный Вильгельм II был, если не считать Гитлера, самым крупным заказчиком заводов Круппа и одновременно покровителем этого «благородного семейства».

В это время в коридорах виллы «Хюгель» уже стояли, дожидаясь своей очереди, крупнейшие и талантливейшие изобретатели века: от Рудольфа Дизеля, изобретателя дизельного мотора, до Нобеля, изобретшего динамит и бездымный порох. Этот порох и дюжина других открытий дали возможность быстро осуществить модернизацию заводов Круппа. Домны Фридриха Альфреда теперь производили в год уже 320 тыс. т стали, и у «пушечного короля» было 43 тыс. «подданных». Практически весь город Эссен теперь находился в руках Круппа. А это означало 92 бакалейных магазина, дюжину пекарен, мельницы, свечные заводы, фабрики обуви и одежды. Даже одеяния священников, библии и распятия в церквях были украшены надписями «движимая собственность Фридриха Круппа».

За семь лет, прошедшие после смерти отца, Фридрих Альфред Крупп утроил свои личные доходы. Он платил наибольший налог с доходов в Германской империи. С развитием германского милитаризма Пруссия стала крупнейшим заказчиком заводов Круппа. В 1887 году еще только 33 % торгового оборота завода приходилось на императорский двор, а семь лет спустя – уже 67 %. В то же время Крупп не только был главным поставщиком оружия готовившемуся к войне германскому императору, но одновременно являлся членом международного оружейного картеля. Самые крупные поставщики оружия в мире (наряду с Круппом такие фирмы, как английская «Виккерс-Армстронг», французская «Шнейдер», американская «Карнеги») заключили между собой соглашение об обмене патентами и технологией. И Фридрих Альфред, разглагольствуя об отсутствии патриотизма у германских рабочих и вооружая императорскую армию, сам тем временем получал по 45 долл. прибыли за 1 т броневых плит для танков, которые военные противники Германии – оружейники Антанты («Виккерс-Армстронг», «Шнейдер» и «Карнеги») производили на основании лицензий Круппа на своих заводах. Сказать проще, Крупп зарабатывал и на тех императорских орудиях, которые впоследствии убивали французских, английских и американских солдат, и на тех французских, английских и американских орудиях, которые крушили армию Вильгельма II!

Наследницей всех фабрик и сталелитейных заводов и многих десятков шахт после смерти «пушечного короля» стала шестнадцатилетняя Берта Крупп. Поскольку у Фридриха Альфреда не было наследника мужского пола, фирму преобразовали юридически в акционерное общество. На основании нового устава фирмы Берту Крупп именовали теперь «обладательницей и руководительницей фамильного предприятия» и видоизменили прежний династический закон; отныне все имущество переходит в руки «старшего из наследников» независимо от пола. Поскольку по немецким законам того времени акционерное общество могли создать не менее пяти акционеров, фирма Круппов напечатала 160 тыс. акций. Одну из них получил дядя Берты, одну – Барбара и по одной – три члена директората фирмы. Оставшиеся – за вычетом пяти от 160 тыс. – перешли в руки Берты Крупп.

В 1906 году, когда Берте исполнилось двадцать лет, Вильгельм II решил, что ей пора в интересах империи вступить в брак, и назначил в мужа Берте маленького бледногубого дипломата, служившего в ранге атташе в прусском посольстве при Ватикане. Жениха звали Густав фон Болен унд Гальбах. Он был старше невесты на шестнадцать лет. Свадьбу сыграли, разумеется, в вилле «Хюгель». Невесту вел к алтарю сам император, а в углу зала выстроилось все правительство Германии. Император специальным указом повелел жениху принять фамилию Круппа. Так что со дня венчания свежее испеченного супруга именовали Густавом Круппом фон Болен унд Гальбах. Это и стало в дальнейшем официальным именем для отпрысков последующих поколений.

У «новичка» в династии было несколько черт характера, достойных прежних «уроженных» Круппов. Как видно, у императора был безошибочный нюх, Густав оказался самым педантичным человеком на свете. Гостям виллы «Хюгель» объявили, что отныне завтрак будет подаваться в 7 часов 15 минут и опаздывать к нему нельзя. В 7 часов 16 минут двери столовой запирали наглухо, и не было такой силы, которая смогла бы раскрыть их перед опоздавшим гостем. Тем более что Густав отдал и еще одно распоряжение: завтрак должен длиться ровно 15 минут. Семейный ужин должен был заканчиваться за 50 минут. В 10 часов 15 минут, согласно «уставу дома», Густав и Берта уже лежали в супружеской постели. Вскоре на свет явился и первенец: Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах, впоследствии осужденный в Нюрнберге военный преступник.

В семействе дети стали рождаться регулярно: шесть мальчиков и две девочки.

«Примак» имел любимое чтение: расписание поездов. Если он обнаруживал в расписании какую-нибудь ошибку, он направлял дирекции железных дорог сердитое письмо. Галерею на четвертом этаже виллы «Хюгель» занимала огромная игрушка – железная дорога. Дети Круппа один час в неделю получали «урок точности», проходивший на галерее четвертого этажа. Их папочка с секундомером в руках стоял рядом с игрушечной железной дорогой и проверял точность отправления и прибытия поездов.

Секундомеры были в ходу и в других случаях жизни: так, например, если за обедом новый хозяин дома закончил есть очередное блюдо, у всех остальных официанты в тот же миг отбирали тарелки. По мнению Густава Круппа, человек не должен есть медленно.

Хозяйка дома фрау Берта оказалась достойной парой своему супругу Густаву. Она изучала благородное мастерство блюстительницы морали и потому распорядилась и на ночь окна в доме не закрывать, какой бы прохладной ни была погода. Это, считала она, помешает наглым подмастерьям и горничным шляться друг к другу из комнаты в комнату. Мужская и женская части прислуги получили места, разумеется, в противоположных флигелях здания. Оба флигеля связывал переход, закрывавшийся железными дверьми. По ночам фрау Берта, закутавшись в толстые шали, периодически появлялась в темных коридорах и переходах и пристально следила, не крадется ли кто из флигеля во флигель. И если обнаруживала в переходе горничную, лакея, конюшего или кухарку, тотчас увольняла их.

Супруга фрау Берты прозвали «Крупп из Круппов», или, кратко, «железным Густавом». В 1912 году праздновался столетний юбилей фирмы. По этому случаю в Эссене устроили «рыцарский турнир». Видные сотрудники фирмы участвовали в нем в средневековых костюмах. Фрау Берта тоже вырядилась в костюм «госпожи замка». Альфрид же, маленький «престолонаследник», сидел на крохотной лошадке пони, одетый в бархатный костюмчик, отделанный мехом горностая. «Железный Густав» был, разумеется, в доспехах средневековых рыцарей. Отметить столетие крупповской фирмы явился весь германский генеральный штаб и даже сам император Вильгельм, который в торжественной речи сказал, что пушки Круппа – это сила германской армии и флота.

Однако патриотический «рыцарский турнир» не изменил аксиому капитализма: родной капитала является страна под названием «прибыль». По случаю юбилейных торжеств

Густава, правда, наградили орденом «Железный крест», но это не мешало ему и дальше поставлять свои орудия и таким странам, о которых все давным-давно знали (и лучше всего сам Крупп), что в близящейся войне они станут противниками Германии. Так, например, Англия, Франция и царская Россия регулярно получали самые современные крупповские орудия, а в самый разгар германо-английского военно-морского соперничества судовой верфи Круппа поставляли английскому флоту ежегодно по восемь боевых кораблей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.